

Петр Немировский

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ЧАЙКИ

Повесть

Глава 1

Как только Арсюша закончил первый класс и начались каникулы, семья переехала на лето в Sea Gate. Из вещей взяли, казалось бы, самое необходимое, но набралось столько, что едва запихали в кузов арендованного вэна. Арсюша прижимал к груди плюшевого леопарда и буги-борд (доску для плавания), Тоня держала сумочку с документами, Осип сидел за рулем.

Подъехали к пропускнику, где в кабинке седой контролер попросил документы. Осип показал свои водительские права, сказал, зачем они сюда приехали. Полосатый шлагбаум поднялся, и машина въехала в Sea Gate — своеобразную курортно-жилую зону, что находится в Бруклине, на самом берегу залива.

Контраст этого небольшого участка, огороженного забором и охраняемого собственной полицией, с внешним миром «по ту сторону забора» разителен. По городскую сторону — грязь, покореженный асфальт, ни деревца, ни кустика. В округе полно многоэтажек с субсидированным жильем для бедноты, а значит, там драки, ругань, дикие подростки, рэп, наркотики, повсюду валяются пустые бутылки из-под водки. Вдобавок

духота и жар от асфальта, который летом нагревается до того, что, кажется, вот-вот начнет обваливаться пластами.

А за забором, в Sea Gate, — кусочек рая: кроны платанов и туй отбрасывают тени на чистые дороги, кусты роз и сирени, шелест ветра в цветках орхидей. Неспешность, расслабленность во всем — в походке, разговорах. Женщины — в шлепанцах, соломенных шляпах и купальниках, длинных легких юбках или с полотенцами вокруг бедер; мужчины — подтянутые, загоревшие, независимо от возраста напоминающие неутомимых белозубых самцов. Океанский бриз, рокот волн. Охрана.

Когда-то этот район принадлежал ортодоксальным евреям, служил им загородным местом отдыха, курортом на летний сезон, где после шумной, утомительной жизни в городе они могли бы спокойно молиться, гулять и проводить время на пляже так, как того требует ортодоксальный иудаизм, то есть в одежде. Не полагается посторонним глазеть на обнаженное тело еврея или еврейки, и никакие ссылки на Адама и Еву, из одежды имевших лишь фиговые листочки, неуместны. Еврей должен быть одет и на пляже. Такова воля Всевышнего! Так сказано в Талмуде!

Со временем курортную зону Sea Gate сделали пригодной для проживания круглый год. А хасидов несколько потеснили итальянцы и русские.

Демографические перемены сказались и на архитектуре Sea Gate: к безыскусным, часто запущенным домам ортодоксальных евреев присоседились новые роскошные виллы с колоннами из белого мрамора и помпезными фонтанами.

Sea Gate, куда переехал Осип с семьей, располагался приблизительно в полчаса езды на машине от дома в Бруклине, где жил Осип с семьей. Так что в случае необходимости всегда можно было заскочить и домой.

***

Распаковались и устроились на новом месте быстро. До сентября сняли квартиру в двухэтажном доме одного ортодоксального еврея. Жилище это имело ряд достоинств: до пляжа рукой подать, плюс большой зеленый задний дворик, где росли старые деревья, стоял стол под навесом, скамейка, что раскачивалась на манер качели. Почти как на даче.

...Осип, в шортах, полулежал в шезлонге, потягивая виски с томатным соком. Сорока двух лет. Худощавый, среднего роста; высокий лоб и мягкие волнистые волосы, зачесанные назад. Орлиный нос и узкий подбородок. Он производил впечатление человека смертельно уставшего, отрешенного от внешней суеты, но в то же время неким иным зрением не перестающего пытливно глядеть на все вокруг.

Маленькими глотками попивал огненное виски, смотрел то на красногрудую птицу на проводах, то на Арсюшу, заводившего знакомство со своим сверстником в некогда белой, а ныне посеревшей рубашечке и ермолке. Тоня тем временем заканчивала благоустройство нового гнезда.

Чем объяснить эффект пронзительной смены настроения? Вернее, не настроения, а настроя сердца, когда испытываешь страшную усталость, опустошенность, и тут — смена обстановки и какая-нибудь случайная мелочь, скажем, запах скошенной травы или вид летящего косяка уток, переворачивает всю душу, вливая в тебя новые силы и надежды?..

Приблизительно такое состояние испытывал сейчас Осип; некая магнетическая сила таилась для него в этой земле Sea Gate, чем-то родным здесь был напоен воздух. Горячий, дымящийся асфальт города, в трещинах и ямах, заплеванной и загаженный, отравляющий легкие, остался там, за забором...

Осип слегка захмелел от виски, от воспоминаний, от усталости после переезда и ночного дежурства в гостинице «Мандарин».

***

Несколько месяцев назад его фильм «Призраки Бруклин Хайтс» (Shadows of the Brooklyn Heights) демонстрировали на нью-йоркском Фестивале независимого кино! И это еще не все: картина была отмечена специальным призом жюри.

Сколько было потрачено сил, времени, денег! Поиски продюсера, почти год съемок, бессонные ночи монтажа, приступы злости, отчаяния, томительное ожидание после каждой поданной заявки на участие в фестивале...

Фильм был посвящен драматургам и поэтам, в разное время проживавшим в одном из красивейших и загадочных районов города — Бруклин Хайтс. Осип по крохам собирал материалы о местах, где четыре мастера — Уолт Уитмен, Юджин О’Нил, Артур Миллер и Иосиф Бродский — жили, любили и умирали. Замысел был таков: показать связь места и времени и как все это влияло на их творчество. Осип пытался проследить и угадать, где рождались сцены их будущих пьес и поэм, как пейзажи, архитектура старого города создавали особую атмосферу и почему именно это место в Нью-Йорке всегда привлекало писателей.

Фильм вряд ли получил бы такое признание, поскольку уж слишком сильно в нем просматривался «классический русский почерк, то есть избыток философичности и смысловой перегруженности», если бы не находка Осипа, поместившего в картину молодого и безумно талантливого Ника Чеда, выступившего в роли типичного американца и литературного гида под именем Джек (кстати, он был единственным, кто в их съемочной группе получал деньги). Именно Ник вдохнул в русскую картину американский дух.

Актерский дар Ника имел редкое сочетание комического и трагического, позволяя ему легко менять амплуа и постоянно держать

зрителя в напряжении. Одетый в стиле ретро — костюм-тройка, галстук и шляпа, — с бутылкой пива в руке и сигарой в зубах, исполненный обаяния Джек разгуливал по улицам Бруклин Хайтс, непринужденно рассказывал истории из жизни литераторов и вдохновенно читал отрывки из их сочинений. Неожиданно нырял в какой-нибудь храм или в бар и перевоплощался то в Уитмена, то в О’Нила, — и призраки великих оживали...

В интервью, отвечая на вопрос, как это ему, иммигранту из России, удалось так чутко уловить поэтику чужой культуры в фактически чужом для него месте, Осип замысловато ответил, что район Бруклин Хайтс ему напоминает некоторые улицы в Петербурге, где он ощущал присутствие давно ушедших писателей и даже иногда видел их призраки. «Эти города — Петербург и Нью-Йорк, — несмотря на все внешние различия, внутренне очень схожи. В них сквозит какая-то неизбывная меланхолия, поэтика упадка. Человеку в таком месте некомфортно. Но почему-то именно на такой вот заболоченной почве, в этом сыром, туманном воздухе рождается настоящее искусство. Неспроста же один из героев моего фильма, поэт Иосиф Бродский, — коренной петербуржец... За настоящее искусство писатели всегда платили собственной кровью, будь то в России или в Америке, мой фильм и об этом тоже».

Конечно, нью-йоркский Фестиваль независимого кино — не Канны и не «Оскар». Но это серьезная заявка, сулящая творческие возможности и перспективы.

После недолгого звездного периода — с хвалебными рецензиями в прессе, позолоченной крохотной статуэткой и 10 тысячами долларов — следовало отдохнуть, восстановиться, все осмыслить и решить, в каком направлении двигаться дальше.

Да, он был счастлив, как бывает счастлив художник, создавший произведение, которое оценили.

А тут еще ателье, где Тоня работала менеджером, из-за сокращения заказов на лето закрылось. Словом, все шло к тому, чтобы провести лето в Sea Gate. И для Арсюши лучшего отдыха не придумать.

Глава 2

Шестилетний Арсений спал тревожно, ворочался и часто просыпался. Вот снова проснулся, сел на кровати, недоуменно глядя перед собой.

Свет фонаря у дома проникал сквозь окошко в комнату, где повсюду валялись пластиковые фигурки борцов, машинки, плюшевый леопард. Мама сразу была против леопарда, она леопарда не любит, говорит, что тот собирает пыль, и предупредила, что на пляж «он с нами ходить не будет, он боится воды, и там ему делать нечего». Но Арсюша и не думал брать леопарда на пляж, Арсюша уже достаточно взрослый, понимает, что можно, а что нет. Завтра на пляж он возьмет только самое необходимое: ласты, маску, карточки «Покемон», летающего змея, акулу, мяч и... леопарда, если мама не заметит. Хорошо бы взять и лэптоп, но о таком Арсюша-реалист даже не мечтает.

Он огляделся вокруг, увидел на полу кончик знакомого хвоста. Наклонился, потянул за хвост — и через миг леопард лежал с ним рядом на подушке.

Думал Арсюша о маме: она строгая, постоянно требует от него красиво писать буквы, правильно держать карандаш и заниматься математикой. Проверяет все его домашние задания. Еще мама любит слушать классическую музыку и листать журналы мод. За этими занятиями она всегда спокойна и задумчиво хороша. А иногда она берет в руки книжицу в кожаном переплете с золотистым затертым крестом, подходит к иконе на стене, крестится и начинает вполголоса молиться. Порой отрывает глаза от книги и смотрит на икону, где изображен бородатый старик в пещере и

черная умная ворона на камне. Мама осеняет себя крестным знаменем, что-то шепчет, будто выпрашивает чего-то у того старика. Иногда вытирает глаза, и тогда Арсюше становится ее жалко.

Папа не молится, крест не носит, нудных книг не читает. Папа вечно с фотоаппаратом или видеокамерой. То уходит надолго из дома, то в своей комнате — куда без его разрешения входить нельзя даже маме. Но его фильм, о котором так много говорили родители и так шумно обсуждали дома разные гости, по правде говоря и к большому огорчению, — совершенно неинтересный, сплошное занудство: там только дома, парки, кладбища, разговоры. Ни тебе динозавров, ни спайдерменов.

Изредка папа тоже идет с ними в церковь, где Арсюше скучно. Единственное там развлечение — зажигание свечек, но длится это недолго. Арсюша ждет, когда заунывное пение закончится и можно будет причаститься с золотой ложечки, а потом запить теплым сладким вином с просфоркой. А после этого — в пиццерию или «Макдоналдс»!

Иногда папа пытается объяснить ему разницу между русскими, евреями и американцами. Разобраться в этой мешанине Израилей, Иисусов, морей и океанов Арсюше непросто. Значит, так: папа — еврей, любит Израиль и русскую культуру; мама — русская, любит вроде бы всех — и евреев, и русских, но жить хочет в Америке. Арсюша же — американец, но больше всего любит Ямайку, где они отдыхали в прошлом году. Там он весь день съезжал по водной горке, ловил ящериц и гонялся за попугаями, в общем, был очень занят. У причала там стоял настоящий пиратский корабль, который вечерами под шумную музыку отправлялся в море, но детей туда не пускали.

Папа часто хмурый, сердитый. Зато когда он в хорошем настроении — придумывает интересные истории.

Арсюша закрыл глаза, представил, как завтра всей семьей пойдут на пляж, как он с разбега бросится в волны, будет плыть, отгоняя акул... Хорошо, что школа закончилась!

Он согнул ноги в коленках, прижав их к самому животу, уснул.

***

Ночные улицы Sea Gate. Тихо, только стрекочут цикады и доносится рокот океана. Яркая луна освещает безлюдные улицы. Осип подошел к забору, обтянутому металлической сеткой вдоль берега. Ночью калитка на пляж закрыта. Однако в разных местах сетка от столбиков оторвана. Осип пролез в одну из таких щелей и, спрыгнув с невысокого песчаного обрыва, пошел к воде.

«Ди-ин... Ди-ин...» — это старый маяк. Сам маяк сейчас в темноте не виден, лишь красный его фонарик качается на волнах да железное било грекает внутри о ржавый кожух. «Ди-ин... Ди-ин...»

Пляж, где днем купаются, отсюда далековато, а здесь — заброшенный унылый берег: валяются обугленные замшелые бревна, темнеют груды бесформенных валунов, похожие на обломки шхун. На водной колышущейся поверхности, вспениваясь, тают белые хлопья. А вдали — облитый огнями мост Верразано и небоскребы Манхэттена. Необычное смешение вечности и сиюминутности.

Осип сидит у самой воды на бревне. Прохлада освежает лицо. Он всматривается во тьму и словно видит деда Арона со старого фотоснимка. Лицо умного еврея, практиковавшего врача-кардиолога. «Ну что, режиссер, дождался? У тебя теперь начинается новая жизнь. Смотри только, не потеряй голову, не заболей звездной болезнью!» — наставительно изрекает дед. Подмигивает, достает из прорези жилетки карманные часы на цепочке: «У-у, время-то как бежит...»

— Осип, ты, что ли?

Вздвогнув от неожиданности, он обернулся.

— Что, тоже не спится? Беда с этим сном. Я вот и валерьянку пробовала, и ромашковый чай. Ничего не помогает. Говорят, лучшее средство для сна — ночная прогулка у океана с омовением ног и рук. Сейчас попробуем.

Его глаза уже привыкли к темноте, к лунному свету. Он видит, как Стелла входит в воду, подтянув до колен спортивные штаны. Еще шаг-другой, и ее контуры становятся расплывчаты. Кажется, она наклонилась, опустила руки в воду.

— Ну вот, океанская ванна принята. Посмотрим на лечебный эффект, — она садится рядом с ним на бревне, вынимает из пачки сигарету.

Вспыхнувший огонек зажигалки ярко освещает ее ровный нос, губы, сжимающие сигарету, прищуренный левый глаз с густыми ресницами.

— А где жена? Спит?

— Да, у нее сон крепкий и без валерьянки.

— Хорошая у тебя жена, преданная, — Стелла выпускает дым, и Осип улавливает ментоловый запах сигареты.

— А ты откуда знаешь, что преданная? Может, наоборот, гулящая? — шутит он.

Его несколько удивляет неожиданный поворот в их разговоре — о Тоне и его семейной жизни, знакомы-то со Стеллой они лишь шапочно: пару раз на пляже перебросились незначительными фразами о погоде, температуре воды, ее «замедуженности» — о чем обычно говорят отдыхающие после купания.

...На эту шатенку Осип обратил внимание в первый же день, с первой же минуты, как только увидел ее на пляже. Она входила в воду, выразительно виляя роскошными бедрами, и красный треугольник ее трусиков двигался плавно и заманчиво, пока не скрылся в набежавших

волнах. Она заплывала так далеко за буйки, что парень-спасатель на вышке стал настойчиво дуть в свисток и энергично махать руками, мол, назад! назад! Стелла тогда послушно поменяла курс и поплыла вдоль берега.

Осип лежал под зонтом, следил, как исчезала и выныривала из воды ее темная голова. Ждал, когда Стелла выйдет, чтобы убедиться в соответствии воображаемого им кадра и действительности. И Стелла не подвела! — вышла из океана, как богиня: вода струилась по ее налитым плечам и бедрам, она вся сияла жизнью и огнем, беспечная, уверенная в себе. И если бы не пожилой мужчина рядом, мужчина с отвисшим, в складках, животом, наклонившийся над водой и брызгающий себе под мышки, то вся сцена была бы великолепна, как на экране. С той минуты Осип уже не сводил со Стеллы глаз. И, кажется, она об этом знала...

— Твоя жена — гулящая? Смешной ты. Да она за тебя в огонь и в воду. Поверь мне. Я в женщинах разбираюсь.

Соединив пальцы рук, она поднимает их над головой, выгибается.

— А-ах, хорошо... Почему все хорошее быстро уходит? Нет бы, тянуться такой ночи лет сто! Луна такая чистая, как у нас в Бессарабии. Сороки — слышал о таком городишке? Я там выросла. А ты откуда родом?

— Из Питера.

— А-а, город на Неве. Никогда там не была. Правда, я много где не была, путешествую только в фантазиях. Ладно, пора идти.

Он встает, идет следом за Стеллой.

— Это правда, что ты известный киношник?

— Да, режиссер. Правда, насчет известный — не уверен. Во всяком случае, еще пока не Феллини и не Тарковский. Откуда ты знаешь, что я снимаю фильмы?

— В Sea Gate, как у нас в Сороках, — все обо всех всё знают и постоянно сплетничают. Если что услышишь обо мне, не удивляйся.

— А я знаю и без всяких сплетен, что твоя любимая актриса — Софи Лорен. Вы с нею чем-то похожи, такая же масть. Угадал?

— Масть бывает у лошадей, — резковато отвечает Стелла, видимо, задетая тем, что кто-то незнакомый столь бесцеремонно проник в ее святая святых.

«Ди-ин... Ди-ин...» — глухо и жалобно стучит железное било в кожухе маяка.

— И про что же твои фильмы? Небось про мафию?

— Нет, про писателей.

Они уже у самого обрыва. Осип влезает наверх, протягивает Стелле руку. Она, однако, словно не видит его предложения помочь: ловко упирает ногу в торчащий корень, хватается за железный столбик, врытый в землю, и через миг, как сильная кошка, запрыгивает вверх. Отряхивает штаны от песка. Оба пролезают через дыру в сетке, идут по тропинке.

— Тоня у тебя хорошая, любит тебя. И мама тоже заботливая, — в голосе Стеллы как будто слышны саркастические нотки. — Вот мы и прибыли.

В ее доме погашены окна, на стене у наружной двери горит фонарь. У крыльца куст жасмина. Осипу вдруг становится душно. Мешанина из запахов океана, цветов, сигаретного дыма, машинного масла из подвала разом ударяет в голову.

— Ну что, режиссер, спасибо за компанию. До встречи на пляже, — она выбрасывает сигарету, игриво шевелит пальчиками на прощанье.

Осип возвращается домой. Сначала входит в комнату Арсюши. Тихонько вынимает из рук ребенка леопарда, подтягивает простынку к плечикам сына, гладит его по волосам. И... ловит себя на мысли, что эта мизансцена сентиментальной отцовской любви так банальна. Бессмертный кадр-штамп: сладко спящий в кроватке ребенок, которого гладит по головке любящий отец.

В окнах жужжат лопастями вентиляторы. Осип заходит в спальню. Там Тоня — в черных трусиках, маленькая грудь открыта. Горит настольная лампа. Осип садится возле жены.

— Что, прогулялся? — Тоня откладывает журнал мод, протягивает мужу руку, уже тронутую загаром. — Тебе, кстати, звонил Ник, интересовался, как дела, просил перезвонить. Может, у него есть для тебя какое-нибудь интересное предложение. Ты ведь теперь — звезда, нарасхват.

Осип гладит жену по бедрам, задумчиво смотрит на пустую стену перед собой.

— Позвони на работу и возьми на неделю отпуск, — продолжает она. — Вообще стоит подумать о смене антуража. Тебе пора уходить с этой дурацкой работы охранника гостиницы, ты ведь режиссер, — Тоня отодвигается к стене, освобождая рядом на кровати место.

— Завтра поеду домой за фотоаппаратом и видеокамерой, — произносит он тихим, но решительным голосом.

Глава 3

Соседи по дому — Джеффри, Эстер и пятилетний Мойше.

Главе семьи — лет сорок; худой, ростом чуть выше среднего. Всегда в несвежей белой рубашке, мятых штанах с болтающимися на поясе белыми ниточками-циццит. Похоже, лысеющий, но с уверенностью сказать нельзя, поскольку ермолка. На вытянутом бородатом лице Джеффа часто выступают нездоровые красные пятна. В общем, обычный хасид средних лет.

Хотя... если приглядеться повнимательней, что-то нетипичное, «не хасидское», сквозит в его прямой, а не сутулой фигуре, в свободных жестах, несколько вальяжной походке.

Его жене Эстер лет тридцать пять; круглолицая, в старомодной шляпке, длинной юбке, из-под которой проглядывают белые кроссовки, в застегнутой плотно блузке, подчеркивающей полноту плеч и отсутствие талии. Ее любимые занятия — пить пиво, играть с детьми во дворе в футбол и устраивать Джеффу сцены.

Они поженились год назад, когда Эстер оставила в Денвере своего мужа-алкоголика и 15-летнюю дочку и, взяв с собой пятилетнего сына Мойше, приехала в Нью-Йорк. В Денвере она была далека от хасидизма, напротив, любила бары, казино, выпивку, словом, все то, что суровый Господь на дух не переносит. Но в Нью-Йорке, сойдясь с Джеффри, вынуждена была войти в лоно ортодоксального иудаизма, омыться в водах миквы, сменить шорты на длинную юбку, надеть парик, шляпку и в положенные дни ходить в синагогу.

Ее сын Мойше тоже быстро преобразился: оброс пейсиками и надел ермолку. У него глаза черные, как угольки, и сам он очень смуглый. По словам Эстер, сын — в деда, который был наполовину евреем, а наполовину индейцем.

Мойше — ошарашенный событиями и испытаниями, выпавшими на его ребячью долю: драками пьяных родителей в Денвере, расставанием с отцом и сестрой, переездом в чужой город, знакомством с дядей Джеффом, который, как и папа, часто бывает пьян, и от него исходит неприятный запах сигарет, но в отличие от папы он маму не бьет и незнакомых пьяных женщин домой не приводит, а ходит в синагогу; короче, от всех этих перемен бедный Мойше потерялся и как-то утратил связь с окружающим миром. По природе мальчик добрый, безответный, он смотрит вокруг удивленными и не по-детски грустными глазами, словно хочет спросить: а почему это так? А неужели нельзя, чтоб всё было иначе?

Игрушек у Мойше почти нет, телевизора в их доме тоже нет. В хедере, куда он пойдет учиться этой осенью, пока каникулы. Ни друзей, ни

приятелей у бедного Мойше. Любимая собака Джилл осталась с отцом и сестрой.

Стоит ли говорить, каким счастьем для Мойше стало появление Арсения! На зеленом газоне, где еще вчера лежал только черный шланг для полива травы, теперь повсюду валяются надувные круги, пиратские корабли, динозавры. На столе часто стоит лэптоп с подключенным Интернетом, где можно играть в компьютерные игры, а в холодильнике в квартире Арсения всегда несколько сортов мороженого — с шоколадом, орехами и ягодами.

Пригласив Мойше в гости, Арсюша, как хозяин, деловито подставляет к холодильнику стул, взбирается, открывает морозилку и вытаскивает оттуда сразу все упаковки. Иногда, правда, случаются неприятности, скажем, тяжелые упаковки падают на пол или Эстер вдруг спохватывается, что сына нет во дворе, и начинает поиски. Тогда Мойше быстро откусывает холодные куски, обжигаящие рот, и, проглатывая их на ходу, выбегает обратно во двор. На вопрос мамы, что он делал у соседей, Мойше, измазанный шоколадом и кремом, правдиво отвечает, что ел мороженое.

***

— Никогда не думал, что стану наркоманом. Я мечтал стать знаменитым певцом, когда-то имел редкое сопрано... Мы жили в небольшом городке в Кентукки. Родители отдали меня в специальную музыкальную школу, платили за учебу сумасшедшие деньги. А потом, когда мой голос стал ломаться... — Джеффри крепко затянулся сигаретой, словно желал еще сильнее посадить свои голосовые связки. — Моя музыкальная карьера на этом закончилась. И все пошло прахом.

Они сидели во дворике под навесом. На столе — открытая бутылка водки Grey Goose, на блюдцах — маслины и ломтики сыра.

День клонился к вечеру, но было еще довольно жарко. Неподалеку ремонтировали дорогу, и сюда порой ветром доносило едкий запах горячего асфальта и жидкой смолы.

Джеффри налил себе еще рюмку:

— Десять лет наркомании! Героин, кокаин, таблетки... Овердозы, госпиталя, жизнь на улице... — он говорил вполголоса, чтобы не слышали ни Эстер, играющая во дворике с детьми в футбол, ни Тоня, полулежавшая в шезлонге с книжкой в руке.

Трудно объяснить, с чего вдруг Джеффри так разоткровенничался с этим евреем из России, который наверняка даже не знает, как выглядит пакетик героина. Кто ему Осип? Первый встречный. Но ведь первому встречному порой бывает легче открыться, чем близкому родственнику.

Осип, впрочем, и сам был несколько удивлен откровениям соседа. Хотя каким-то чутьем улавливал связь с сидящим напротив, пусть их и разделяло действительно слишком многое. Но ведь истинный язык — не тот, на котором произносятся слова, а тот, на котором общаются души...

— Из-за моей наркомании семья от меня отказалась, — продолжал Джефф.

— Еврейская семья отказалась от сына? Редкое явление.

— Да, родители — преподаватели в колледже, уважаемые люди, их можно понять — пятно на репутации... Если бы я остался в Кентукки, наверняка бы погиб. Но Богу было угодно меня спасти и привести сюда, в Нью-Йорк. Слава Богу, Барух Ашем! — он махом опрокинул рюмку водки, закусил маслиной.

Осип тоже выпил, скривился. Водку он пил редко, предпочитая виски или коньяк. Но, как известно, хасиды коньяк не пьют, и чтобы провести приятный вечер в компании, пришлось соседа угощать водкой.

Он слушал эту исповедь, и вдруг в какой-то момент религиозные атрибуты Джеффри — пейсы, бороду, ермолку — словно сдуло куда-то.

Осип увидел перед собой слабого, надломленного человека. Даже выражение лица Джеффри ему показалось сейчас наркомански-вороватым.

Попытался себе представить: небольшой городок в Кентукки, маленькие заводы и фабрики. После работы здоровые парни идут в пивные бары и буфеты, пьют там пиво со стейками, разговаривают о страховках на автомобили, о банковских ссудах на дома, о Дерби. И этот ранимый, чувствительный Джефф, потерявший свое редкое сопрано, а вместе с ним и свое «я», ну никак не вписывался в здоровую, разумную жизнь рабочих парней в далеком Кентукки.

— Хасидская община Sea Gate делает богоугодное дело — дали мне работу повара в иешиве. Стыдно сказать, мне почти сорок лет, а делать толком ничего не умею. Но жизнь постепенно налаживается, Барух Ашем! — Джеффри снова налил себе, и водка в бутылке спустилась ниже нарисованных на стекле гусей. — Вот женился, усыновил Мойше. Не нюхаю и не колюсь... Конечно, Талмуд мне дается с большим трудом, моя семья религиозной никогда не была, отец вообще в Бога не верил. В иудаизме я почти как турист... Знаешь, иногда молюсь в синагоге, и вдруг кажется, что это молюсь не я, а мой двойник. И думаю себе: пусть бы этот двойник так и оставался здесь, в талесе и с Торой, пусть молится, а я бы... сбежал в Кентукки, там такой хороший героин, ты себе не представляешь... чистый, без примесей... — Джеффри вдруг замолчал, словно сам испугался своих слов.

Помолчали.

— Осип, ты ведь еврей, правда?

— Да.

— А твой сын с крестом. И жена тоже с крестом. Как же так?

— Так. Все это сложно объяснить.

Осип взглянул на Тоню, она уже закрыла книгу, собираясь встать. Почему-то сейчас жена показалась ему не столь привлекательной, как

обычно. Слишком худой. И подбородок какой-то скошенный. Как на беду, она поправила на груди серебряный крестик, и этот безобидный жест отозвался в его душе еще большим раздражением.

Крестик на груди сына вызывал у Осипа смешанные чувства. Он уступил Тоне, согласившись, чтобы сына окрестили, потому что Арсюшу, по ее словам, она вымолила у Христа после мучительных лет бесплодия. Он помнил ее отчаяние, походы к врачам, нужные и ненужные операции, как быстро таяли собранные деньги, а с ними и ее надежда стать матерью. И как по мере угасания надежды Тоня все больше уходила в религию, к лампадам у икон. Осип был молчаливым свидетелем отдаления жены. Он почти не противился, видя, как их квартира постепенно превращается в «келью», где на стенах остается все меньше репродукций картин и фотографий, зато появляется все больше икон. Строгость и твердость Тониного характера проявлялись в неукоснительном соблюдении церковных правил. Бог весть, в каких грехах она признавалась и истово каялась толстому священнику, подолгу ей что-то шептавшему на ухо у алтаря, прикрыв ее голову епитрахилью, а Тоня плакала. Мог ли Осип после всех ее постов, обетов и слез запретить крестить Арсения?..

— Хочешь, надену тебе тфилин? — предложил Джеффри. — Знаешь, что это за обряд?

— Да.

— По-моему, еще не поздно, — Джефф посмотрел на часы, затем достал из кармана мобильник, набрал номер. — Да, ребе, это я. Хочу надеть тфилин одному очень хорошему еврею, — он подмигнул Осипу. Закончив разговор, спрятал телефон обратно в карман. — Тебе повезло, еще есть время. «Не бойся, ибо Я с тобою. Не отступай, ибо Я — Всесильный Бог твой. Я твоя опора!» — прочитал он по памяти слова молитвы на английском, и Осипу показалось, что последнюю фразу Джеффри даже пропел на манер Боба Дилана.

Откинувшись в кресле, Осип взглянул на небо, где в просвете между кронами деревьев показался прозрачный месяц. Смутные видения прошлого мелькнули перед глазами, воспоминания о том времени, когда он еще в Петербурге пытался войти в иудаизм, но так и не смог...

— Нет, лучше не сегодня. Как-нибудь в другой раз.

Глава 4

Не все с первого взгляда поддается логическому объяснению. Впрочем, стоит попытаться понять, зачем Осипу понадобилась эта неинтересная и по сути бесперспективная работа в Оперативном центре охраны гостиницы «Мандарин».

Сама работа — низкооплачиваемая, Тоня как менеджер в ателье даже в такие неблагоприятные времена получала раза в три больше. Конечно, любой доход впрок. Но стоило ли губить время, часами просиживая перед экранами в зале Оперативного центра охраны? Тупо глядеть, как по коридорам двигаются безликие постояльцы, как они входят в спа-залы, гостиничные бары и рестораны, как по тыльным коридорам горничные толкают к грузовым лифтам контейнеры с грудями грязного белья, а у входа швейцары в красных камзолах и фуражках услужливо открывают двери возбужденным нью-йоркской атмосферой туристам. Скрытые камеры в здании наведены на все лестничные клетки, пожарные выходы, разгрузочные площадки, гаражи, отсеки вентиляционного и электрического снабжения. Нет, тратить свое драгоценное время, чтобы пялиться в экраны, рассматривая все это, определенно не стоит.

Уход мужа в охрану Тоня приписывала его очередному чудачеству, выверту, к которым после десяти лет совместной жизни она привыкла.

...Когда-то, выходя замуж за студента Театрального института, она втайне надеялась, что Осипа ждет блестящее будущее театрального

режиссера: Питер, потом, может, Москва. Себя же она видела на вторых ролях, где слава, деньги, интересная жизнь будут обеспечены мужем, а ей лишь останется подставлять свое хрупкое плечико под это сладкое бремя. Еще бы! Он ведь (а на этот счет у Тони не было ни грамма сомнения) чертовски талантлив! Она в его талант верила больше, чем в себя.

Но когда до окончания института оставался год, Осип вдруг сделал, по его словам, прыжок с Аничкова моста — бросил институт и пошел учиться на кинооператора. «Жаль, конечно, что он не закончил институт. Но разве настоящему таланту нужен диплом? Кино? Что ж, это даже лучше, — решила Тоня. — Более современно, больше перспектив».

О-о, наивные представления жен, связавших свою судьбу с художниками! Не ждите, девушки, того, что показывают в красивых фильмах и о чем пишут в глянцевах журналах. Врут они всё! Врут. И если вам доведется встретить бледного юношу с горящим взглядом, который вам покажется гением, — бегите от него! Бегите без оглядки, пока вы не превратились в еще один столб соляных слез!

Закончив операторские курсы, Осип недолго поработал ассистентом оператора на студии документальных фильмов, участвовал в съемках ленты про беспризорных детей.

Фильм еще монтировался, но не за горами был очередной «прыжок с моста»: однажды мартовским утром Осип появился у американского посольства в Москве, где в очереди, ежась от холода и тревоги, стояли евреи, желающие покинуть Россию.

Как объяснил потом Тоне, он еще «не чувствовал себя готовым к настоящему творчеству», еще «не вызрел в нем художник». Оказывается, вокруг не было чего-то такого... Когда не хватало слов, вернее, когда все слова уже были сказаны, но не достигли цели, не донесли мысль, Осип поднимал руки и делал ими замысловатые движения, чем вызывал у Тони

невольную улыбку, потому что в такие минуты он напоминал ей забавного танцора из еврейского местечка.

«Понимаешь, Тонч, — так он называл жену, — я не вижу, не вижу вокруг ни черта, что бы вошло и ожило в объективе... Я слишком хорошо знаю питерскую жизнь, я слит с нею — с Невой, мостами, пивнухами, забегаловками, сыростью и тэдэ. Я не вижу себя. Мне нужно отойти далеко в сторону, чтобы увидеть себя. Мне нужен совершенно другой опыт, другие берега...»

Тоня, еще не так давно мечтавшая взлететь на вершину мужниной славы, начала смутно догадываться, что не к захватывающим дух полетам ей лучше готовиться, а к «прыжкам с мостов». Она уже не так усиленно искала логику в поступках мужа, замечая в нем определенную странность, которую ранее принимала за одержимость гения. «Ты просто не веришь в свой талант», — убеждала его Тоня, хотя, по правде, и ее вера в талант мужа заметно пошатнулась.

«Что ж, в конце концов, Америка — не самый худший вариант, лучше, чем Израиль», — успокаивала она себя. Почему-то была уверена, что рано или поздно Осипа все равно куда-то понесет. Даже опасалась, что верх возьмет его глубоко спрятанное, до сих пор не нашедшее выражения еврейство и «прыжок с очередного моста» произойдет не по художественным, а сионистским мотивам.

Осипом тогда овладела такая решимость, такое непреклонное желание эмигрировать, что, когда в американском посольстве возникли бюрократические проволочки с документами родителей и старшего брата, он махнул рукой на семейные привязанности и, не дожидаясь развязки, купил два билета на Нью-Йорк. (Его родные так и остались в Питере, потом они уехали в Израиль.)

Осип планировал в скором времени перебраться из Нью-Йорка в Калифорнию, поближе к Голливуду, и наверняка бы переехал, не

повстречай на одном из нью-йоркских фестивалей известного режиссера Славу Цукермана, создателя нашумевшего культового фильма «Жидкое небо».

— Нью-Йорк — благодатный для кино город, сегодня это культурный центр мира, — говорил Цукерман, через несколько дней после фестиваля пригласив Осипа к себе в гости. — Жизнь здесь кипит, каждый день здесь рождаются новые идеи. Думаю, сейчас в Нью-Йорке снимается больше независимых низко-бюджетных фильмов, чем в любом другом городе на земле. В Голливуде может пробиться только тот, кто уже снял успешный фильм на английском и готов встроиться в голливудскую систему. Зато здесь, в Нью-Йорке, люди открыты для всего нового больше, чем в любом другом городе Америки, может, и мира. В этом городе острее чувствуется тоска по прекрасному...

Было интересно слушать этого режиссера, еврея, «русского душой», так проникновенно влюбленного в Нью-Йорк.

— Но чтобы снимать американские фильмы, надо сначала понять американскую жизнь, а она очень сильно отличается от российской. Один мой знакомый на пути из России в Америку во время остановки в Италии написал сценарий об Америке и хотел мне его прислать. Я ему ответил, что читать этот сценарий не буду. К его талантам это никакого отношения не имеет. Человек из России, который никогда не жил в Америке, не может написать сценарий об американской жизни, даже если он гений. Жизнь познается только на собственном опыте; чтобы человек начал сносно ориентироваться в новой жизни, должно уйти несколько лет. Тяжелых лет, — тяжелых, несмотря на желание в эту жизнь войти. Хотите того или нет, но сперва нужно хорошенько потереться о колючий кустарник иммиграции. К тому же, профессия режиссера сама по себе требует безумного желания осуществить свою мечту, без этого желания, без этой посвященности, режиссерами не становятся. Я видел много разочарований. Видел и тех, кто

в бывшем Союзе хотели быть режиссерами, а здесь, в Штатах, решили стать программистами или дантистами... Кстати, а что у вас за плечами, молодой человек? Какой жизненный опыт? Незаконченный институт, армия, женитьба, год работы на студии документальных фильмов... — Цукерман на миг умолк, словно представил себе чашу весов с жизненным опытом Осипа. — Я, конечно, не пророк, но... Осип, а вы, случайно, не хотите стать дантистом? Пять лет учебы — и ваше американское будущее обеспечено. Будете ставить амальгамовые пломбы и фарфоровые зубы. Захотите — переедете в Голливуд, там хорошие дантисты всегда нужны, они там не менее успешны, чем режиссеры. Купите себе виллу с бассейном, телевизор на всю стену и машину для изготовления домашнего попкорна. Зачем вам эти творческие мытарства, неопределенность, бедность?.. Ну-ну, не сердитесь, шучу. Такое у меня чувство юмора...

И Осип внял совету коллеги. Тоне пришлось пережить очередное разочарование, когда, вернувшись от мэтра (Тоня втайне надеялась, что Цукерман предложит мужу работу в своем новом фильме), Осип заявил, что идет «тереться боками о колючий кустарник и встраиваться в новую жизнь». Идет работать таксистом. Потом была работа агентом по продаже недвижимости, фотографом в ателье, санитаром в хосписе. Словом, его жизнь напоминала теперь даже не захватывающие прыжки с мостов, а ползание на брюхе.

Зато карьера Тони, расставшейся с иллюзиями, потихоньку пошла вверх: начав с портнихи, завершилась должностью менеджера в престижном ателье. Мужа она жалела изо всех сил, смирившись в душе с мыслью, что вышла замуж за хорошего человека, но неудачника со странностями, которые когда-то ошибочно приняла за одаренность.

Как многие жены мужей-неудачников, груз ответственности за семью она взвалила на свои хрупкие плечики, при этом довольно сильно согнув свою лебединую шею. Тоня отвечала за финансовое благополучие семьи,

медицинские страховки, уплату счетов. Каждую смену работы Осипа воспринимала уже спокойно, почти без нервов, расценивая как очередное шараханье. И почти не удивилась, когда Осип вообще бросил все и на год исчез в центральной бруклинской библиотеке.

С раннего утра садился в свой «Бьюик», прихватив в термосе горячую овсяную кашу, и возвращался вечером со стопкой книг.

...Он сидел в просторном зале, у высокого окна, напротив замечательного парка. За стеклом торчали извилистые ветки деревьев, зимой покрытые пушистым снегом, летом — сочной листвой и цветками. По-новому он открывал для себя Артура Миллера, Уолта Уитмена, Юджин. О’Нила, Иосифа Бродского. Их пронзительные, печальные, безумные глаза смотрели на него с портретов на стенах, напоминая, что нет на земле высшей правды, чем правда искусства, а для художника нет жизни иной, чем творчество. И он уже твердо знал, что у него не будет иного выбора и что скоро, очень скоро он возьмет в руки камеру и будет снимать...

***

Но больше всего огорчало Тоню безразличие мужа к сыну. Да, он проводил с Арсюшей время, но только, по ее мнению, для галочки, выполнял свой отцовский долг и при этом всегда смотрел на часы. Постоянно забывал Арсюшину дату рождения, и Тоня пускалась на всякие постыдные уловки, скажем, расставляла повсюду в квартире фотографии Арсюши или паролями в компьютере, где могла, вводила имя и дату рождения сына.

Сын часто спрашивал: «Ма, а где папа? А когда он придет?» — и ей приходилось, улыбаясь, врать, что «папа на работе, он тебя очень любит и на уик-энд мы все вместе пойдем в парк и в магазин игрушек».

Наступал уик-энд, и папа, случилось, действительно шел вместе с ними и в парк, и за игрушками. Стоило Арсению попросить, чтобы ему купили какого-нибудь монстра, Осип тут же доставал кредитную карточку и, набив полную корзину этими пластиковыми уродами, скоренько шел к кассе расплачиваться, в чем, кстати, Тоня видела очередное подтверждение — отец не любит сына. Да что говорить! Он почти не снимал Арсения на видеокамеру, а фотоснимки сына интересовали его исключительно с художественной точки зрения. Разве это настоящий отец? Это бесчувственный истукан, пребывающий в своих грезах. Он — холодный, любит одиночество. У него нет души.

***

...Арсюша каждый вечер проводил в ожидании отца, вот он придет и расскажет ему какую-нибудь историю. Ведь никто, кроме папы, таких историй сочинять не умеет. Вернее, папа их не сочиняет, а знает. Потому что герои этих историй — все, и пираты, и путешественники, — папины друзья.

Папа обещает, когда Арсений вырастет, взять его с собой к пиратам на корабль или в пустыню Израиля, где караваны верблюдов и полно пещер. Поэтому Арсений спешит вырасти. Для этого он делает все возможное: прилежно учится в школе, прыгает с дивана, писает прямо в унитаз, поднимая перед этим крышку, и на ночь иногда аккуратно складывает всех своих монстров в коробку.

Арсений уже не такой маленький, он понимает, что еще не время, нужно подождать еще годик или два, вот он научится хорошо читать и считать, сам будет убирать в ванной после своего купания, тогда-то и отправится с папой в свое первое путешествие. А пока пусть папа

рассказывает ему истории. Слушая их, Арсений чувствует себя приобщенным к настоящей тайне, какой нет ни у кого из его приятелей.

Но... папы часто дома нет. «Папа занят», — говорит мама, и в такие минуты ее почему-то очень жалко. Иногда, когда Арсюша уже почти спит, он смутно, сквозь цветные круги, чувствует, как в комнату входит папа, накрывает его одеялом, гладит по голове. Арсюше хочется проснуться и папу обнять, но веки такие тяжелые, что их не поднять... Он нащупывает волосатую папину руку и, крепко обхватив, прижимает к себе.

...И тут из далека, лазоревого и тихого, показывается корабль. Ветер треплет черный флаг, пушки нацелены на акул и осьминогов. Корабль подходит к берегу, где стоят Арсюша и папа. Вылетает на песок трап. Арсюша ступает на шаткие сходни, тянет за собой папу. И вот они — на палубе среди пиратов. Все — одноглазые, с повязками, в красных косынках, с ножами и пистолетами. Среди них — и спайдермен, и Спондж Боб. Пираты хоть и с пистолетами и одноглазые, но любят играть на компьютере и смотреть телевизор. Арсюша приветствует их звонким «Хэй!». Ему навстречу из каюты выходит самый лучший папин друг — пират Розенблатт...

Ну разве можно не любить такого папу?!

***

К последней работе мужа — оператором в охране гостиницы — Тоня отнеслась уже почти благодушно, разве что уточнила, не опасно ли это для жизни, все-таки охрана гостиницы, мало ли что. Услышала в ответ, что более безопасного места быть не может: сидишь за стальной дверью в зале, управляешь скрытыми видеокамерами, установленными в разных точках гостиницы, смотришь на экраны и чуть что — докладываешь оперативному дежурному. Такое описание Тоню успокоило.

Правда, еще недавно у нее теплилась искорка надежды, что Осип станет библиотекарем и наконец окажется в более приемлемом и достойном себя окружении. Все-таки он — интеллигент, хоть и со странностями. И вот опять — очередной мост и прыжок.

Осип уверял, что работа охранника даст ему возможность еще немного «повариться в манхэттенском бульоне, уловить ритм столицы мира». К тому же у него будет прорва свободного времени, особенно по ночам, и он спокойно сможет читать книги...

И все-таки Тоня ошиблась! Прожив с ним столько лет вместе и поставив на нем клеймо горемыки, она не замечала, как все эти годы в нем вызревал талант, направлявший неведомыми путями его судьбу.

Осип купил профессиональную аппаратуру для съемок, компьютеры для монтажа. Потом написал сценарий, где оживил библиотечные портреты четырех писателей. И эти безумные мудрецы покинули портретные рамы и пошли по улицам старого Бруклина, по паркам, пивным, по церквям и синагогам, по набережной Гудзона, рассказывая о своей жизни, о том, где и при каких обстоятельствах они встречали героев своих драм и поэм, и где напивались до чертиков, любили, молились, и где умирали...

***

Ночи напролет Осип сидел в операторском зале гостиницы «Мандарин», за стальными дверями, надежность которых обеспечивают секретные коды и специальные пропуска. Его напарник Уолтер, бывший полицейский, отвечающий за оперативное реагирование на случай любого ЧП, дремал, по старой привычке копа положив ноги на стол. Будучи очень разными, они с Осипом все же испытывали взаимную симпатию.

Уолтер в скором времени нашел себе подружку, проживающую неподалеку от гостиницы. Перед тем как отправиться к ней, он вытирал

свое гладкое мясистое лицо и шею влажной ароматизированной салфеткой, смотрелся в зеркало, подмигивал себе и уходил на несколько часов, а то и до утра. Он знал, что Осип никуда не денется, потому что занят своей картиной.

Осип монтировал фильм, подключив ноутбук к системе наблюдения отеля. Сверхчувствительная аппаратура, и в первую очередь большие экраны, оказалась тут как нельзя более кстати.

Уолтер, возвращаясь от своей подружки, добродушный, пахнущий духами и свободой, заставал Осипа в том же кресле, в той же позе, с включенным ноутбуком и тем же безумно напряженным взглядом. Фильм про писателей Уолтера интересовал мало, вернее, не интересовал вовсе, он любил передачи про животных или о торговле недвижимостью. Осипа, однако, уважал за добросовестность, считал его чудаком, который, чем черт не шутит, может, и разбогатеет когда-нибудь.

Когда Уолтер узнал, что фильм Осипа получил на фестивале приз, он искренне порадовался за друга, привел в Оперативный центр свою ночную герлфренд, чтобы познакомить ее с известным режиссером, его русским приятелем, и угостил Осипа в пивном баре.

Уолтер даже стал подумывать, не податься ли и ему самому в киноиндустрию, поднял свои былые связи в полиции, в отделе по борьбе с особо опасными преступлениями. Предложил Осипу помощь — можно будет заснять ночные рейды, аресты наркоторговцев, изъятие оружия, застреленных проституток и прочее в том же духе, что так любят зрители во все времена. Себя же Уолтер видел в роли консультанта. И был очень огорчен, когда на его предложение Осип отреагировал без всякого энтузиазма. Вот чудаки, кто ж отказывается от такого?!

Впрочем, вскоре ответ открылся. Уолтер уважал Осипа еще больше, когда на пяти экранах, отключенных от гостиничных камер Оперативного

центра, появилась... женщина поразительной красоты в бордовом купальнике.

***

— Как ее зовут? — спросил Уолтер, слегка подвинув в сторону свою левую ногу на столе. Уменьшил в рации звук, поставил ее на стол рядом со своей черной туфлей. Пиджак его был расстегнут, открывая небольшое аккуратное брюшко под светлой рубашкой и ремень, охватывающий могучую грудь, чтобы поддерживать кобуру с пистолетом.

В зале было тихо, изредка бикали рации, поставленные на подзарядку.

Экраны показывали жизнь «Мандарина»: мимо швейцаров в здание входили постояльцы — те, кто останавливался в отеле лишь на сутки, и те, кто жил там месяцами. Входили важные типы, окруженные телохранителями, входили политики, журналисты. Днем и вечером в гостинице и вокруг нее кипела жизнь.

Ночью экраны пустели, лишь изредка по коридору в свой номер плелся какой-нибудь подвыпивший турист или ресторанный поваренок выскальзывал на пожарную лестницу выпить украденную бутылку дорогого пива.

— Все-таки как зовут эту красавицу? — снова спросил Уолтер.

— Лорен. Софи Лорен.

Глава 5

Утро. Солнце нежно золотит пляж. Через калитку забора сюда проникают, влача матерчатые сумки и зонтики, первые пляжницы — молодые мамы. Детишки бегут к воде. На вышках уже сидят парни-спасатели в ярко-красных трусах и опознавательных курточках; свистки

болтаются на груди спасателей, в них еще не дули, но очень скоро эти безобидные бирюльки-свистки превратятся в иерихонские трубы.

Нежен зыбкий песок, накануне по пляжу проехала машина, разровняла берег, смела мусор. А волны океана довершили дело, слизав с покатоного бережка возведенные вчера замки, крепостные валы и мосты-веточки.

Лениво дышит океан, лишь мельтешат блики на его поверхности. Чайки и альбатросы застыли на темных валунах, и если бы не слабое дрожание их серых перьев и редкие писки, птиц можно было бы принять за музейные чучела, давно посаженные на эти камни...

Вдали на мысе видны погрузочные краны порта Red Hook, где швартуются сухогрузы и откуда выходят океанские лайнеры. Величавые плавающие города тянутся вереницей, оставляя позади небоскребы Манхэттена, мост Верразано, порт, бухту, и уходят в какую-то великую, страшную даль...

Осипу этот вид напоминал Финский залив и почему-то фотоальбомы его детства с пейзажами крайнего севера. Тоню же вид океанских лайнеров и застывших на камнях чаек, как она выражалась, просто завораживал.

Что касается Арсюши, то, когда мама или папа вытягивали руку вдаль, говоря ему: «Посмотри, какой красивый корабль!» — менее всего задумывался он о красоте и старался смотреть на вещи с практической точки зрения: сначала спросил родителей, не смогут ли они ему такой корабль купить. Получив твердый отказ, а папа почему-то еще и рассмеялся, Арсюша не очень расстроился. Он уже был не так мал, догадывался, что размер такого корабля все-таки великоват для ванны в их квартире. Тогда он пожелал следующим летом отправиться на таком корабле в опасное путешествие. Он согласен взять с собой и маму, хотя она наверняка и там ограничит его доступ к компьютеру и телевизору.

Получив родительское согласие, Арсюша радостно схватил огромную надувную акулу и побежал в воду.

...Акулу нужно бросать в волну брюхом вниз, а потом наваливаться сверху на ее мягкую, податливую спину и хвататься крепко за плавник. Ногами нужно обхватывать ближе к хвосту, сжимая коленями ее черные бока. Очень важно при этом держать рот закрытым, потому что туда попадает соленюще-горькая вода. Рот, однако, раскрывается сам собой, с этим ничего не поделаешь. Но самое важное в технике плавания на акуле — не попасть под волну. Нужно только прямо и вперед, туда, к гигантским кораблям.

Акула, такая покладистая на берегу, в воде становится неуправляемой. Поначалу она вроде бы покоряется под нажимом Арсюшиных коленок, но потом начинает сильно дергаться, норовит вырваться. Плавник ее то и дело выскальзывает из рук. Арсюше стоит невероятных усилий удерживать эту вертлявую акулину.

Какое-то время он плывет верхом, а потом все-таки теряет контроль и соскальзывает с акулы. Темная волна стеной нависает над Арсюшей, мир переворачивается, солнце падает с неба, и... Папина рука умиряет разгоряченную акулу, схватив ее за нос, а другая его рука поддерживает под мышкой падающего в бездну сына.

Папа снова сажает Арсюшу на акулу. Тот, дрожа от волнения или от удовольствия, но ни в коем случае не от страха, готов к новым приключениям. Но кричит: «А-а!!!» — потому что, по правде сказать, ему страшно, они ведь уже так удалились от берега! Папе вода — аж выше пупа! А вдруг папа его сейчас здесь оставит?.. Не переставая кричать, Арсюша обхватывает одной рукой папину шею. Акула, что ни говори, все-таки менее надежна, чем папа. И, дрожащим лягушонком, Арсюша — прыг на отцовскую грудь.

— Ну тогда держись за меня крепко! — переместив сына на спину, Осип входит глубже в воду, плывет.

Папа — определенно не акула, с ним легче, хоть у него и нет плавников. Папа не трепыхается, не крутится, плывет ровно и спокойно. Он не скользкий, твердый, его удобно держать за волосы или за шею.

— Не дави так сильно, задушишь, — просит Осип.

Арсюша чуть разжимает кольцо рук, обхвативших папину шею. Зубы его уже клацают безостановочно, взволнованное сердечко часто стучит.

Осип слышит мелкое клацанье зубов над ухом; его сердце глубоко в груди отзывается на частые и сильные удары сердечка сына. Их удары сливаются... Осипу почему-то становится страшно от этой близости.

Простая и ясная мысль, что чья-то маленькая жизнь, этот хрупкий комочек, зависит от него, становится невыразимо сложной, охватить ее так сразу невозможно...

— Выходите! Он уже синий! — зовет Тоня с берега, но крик ее скорее угадывается во взмахах рук.

Мама не понимает и, похоже, никогда не поймет, что такое пираты. Она живет в мире постоянных перепадов температуры, резкой смены холода и жары и занята ерундой: накладывает на тело отвратительно липкий солнцезащитный крем, отмахивается от мух, то и дело смотрит на свои руки и плечи, проверяет, ровно ли ложится загар. Пьет на пляже воду и заставляет пить Арсения. Из ее уст вылетают скучные слова: обезвоживание, перегрев, организм.

Но мама — красивая, и попа у нее тоже красивая и не такая массивная, как у мамы Томаса. Арсюша этим горд, он видит маму не только на пляже в купальнике, но и дома, когда она выходит после душа в маечке и трусиках. Недавно он был в гостях у Мойше, его мама — миссис Эстер — тоже принимала душ, и они с Мойше прильнули к дверям, пытаясь подсмотреть в щелочку, пока их не заметил и не отогнал оттуда мистер Джеффри...

Теплое мягкое полотенце окутывает промерзшее до последней косточки тело. Холод проник повсюду — в живот, грудь, пальцы и зубы.

Арсюшу кладут на подстилку. Маленький комочек в полотенце, свернувшись, как улитка, лежит, подрагивая; торчат его белые, тоже дрожащие пятки.

Арсюша — в ледяной пустыне, в ящике со льдом! Ему понадобится, наверное, сто лет, чтобы согреться. Стучат зубы. Он переохладился и обезвожился. Температурный баланс. Организм.

...Края его посиневших губ вдруг трогает улыбка. Перед его глазами возникает сцена из мультфильма, когда Бэтмен, ринувшись с крыши небоскреба, стреляет из лазерного пистолета в Суперкиборга: ба-бах! Тот превращается в огненный шар, и взрывная волна — р-рах! — сметает дома и переворачивает машины. На помощь Бэтмену прилетает Спайдермен. Нажимает кнопку, и Суперкиборг сражен. «Гуд джоб, мистер Спайдермен! Теперь мы должны уничтожить армию кибернетических гоблинов». — «Йес, сэр». Оба реактивных героя нажимают кнопки под плащами и — жш-шух! — устремляются вслед за... Арсюшей, который уже вскочил с подстилки и понесся ловить крабов.

***

Пляж Sea Gate — это демонстрация купальников, соломенных шляп, косынок на бедрах, солнцезащитных очков, педикюра и маникюра. Это театр жестов: саморассматривание загара на вытянутых руках, проверка своих бедер на предмет их упругости, поглаживание живота и прощупывание мышц под тонким слоем жирка, прикосновение к шее на предмет натянутости кожи, массажирование плеч в расчете... притянуть взгляд нескольких молодых загорелых спасателей на вышках, поскольку иных мужчин на пляже — утром в будние дни — практически нет. Мужья и бойфренды — работают.

Пляж Sea Gate — это бабье царство, гарем на океанском берегу. Женщины — болтливые приятельницы, благодушные компаньонки, приветливые соседки, но в то же время и непримиримые конкурентки, ведущие бескровную войну, в которой никогда не будет победительницы, лишь постоянно растет счет убитым и раненым.

Только чайки и альбатросы кружат над берегом, роняя пронзительные крики, в которых словно слышится: «Ты пер-р-рвая! Ты кр-расавица! Ты пр-росто пр-релесть!..»

.....
.....

— Представляю себе, сколько купальников у этих дам! Наверное, многие из них имеют для купальников специальный шкаф, — сказал Осип, провожая взглядом одну пляжницу, битый час фланирующую туда-сюда вдоль берега. — Зимний гардероб у них, пожалуй, скудный: пара теплых курток, может, дубленка. Зимой здесь, говорят, очень ветрено и холодно — все-таки океан. Все сидят в домах, у электрокаминов и теплых батарей, греются. Кто тебя видит? Кому ты нужна? Зато летом — гуляй, душа...

— В каждой женщине живет актриса, которой нужна публика. Вам, мужчинам, не понять тот кайф, когда тебя пожирают десятки глаз. Ты буквально чувствуешь эти взгляды своей кожей, — сказала Стелла.

— Да, понять это трудно, — полушутя согласился Осип.

Они стояли на песке, у кромки воды. Набегающие волны едва касались их ног.

— И еще в каждой женщине живет проститутка. Я много об этом думала. Нет такой женщины, будь она даже самая правильная, которая бы в глубине души не мечтала предаться самому низкому разврату, попросту говоря, не мечтала хоть бы разочек стать последней блядью. И случись это, она испытает глубочайшее удовлетворение, насладившись собой, своим падением. Потом, правда, будет себя сильно презирать... — Стелла

умолкла. — Ладно, хватит с тебя, я выдаю слишком много наших бабьих тайн. Кстати, это ничего, что мы с тобой стоим так открыто, нас вдвоем все видят? И жена твоя скоро себе шею свернет, все ходит кругами.

— Она мне доверяет, она не ревнивая, — ответил Осип, сам поразившись той легкости, с какою сейчас мысленно отдалил от себя Тоню. — Смотри, чтобы потом у тебя не было проблем.

— Ой! — вдруг, ойкнув, Стелла подняла стопой вверх ногу, при этом опустив руку на плечо Осипа. — Кажется, наступила на ракушку... — вытащила из ноги и щелчком отбросила крохотный черный кусочек. — Когда же ты наконец покажешь мне последний видеоролик? — спросила с капризной ноткой в голосе, снимая руку с его плеча.

— Через несколько дней. Мне еще нужно с ним поработать.

— Скажи хоть, как я там получилась?

— Как всегда — неотразима.

Он мысленно увидел тот отснятый незаконченный ролик, где Стелла в неглиже с крыши его «Бьюика» вползает в салон машины. Машина трогается с места и несется к обрыву. Под музыку из «Кармины Бурана». Ага, вот чего там не хватает — финального кадра: смонтировать бы, как машина с обрыва летит в океан, а Стелла появляется из воды, вся объятая огнем...

— Кстати, ты никогда не рекламировала автомобили? Недавно в холл гостиницы, где я работаю, пригнали пару лимузинов «Линкольн» и девочек с длинными ногами для их рекламы, хотя они в технических свойствах машин ни черта не разбираются. Этих девочек так и называют: линкольнгерл. Могу спросить, не найдется ли там и для тебя местечка, хочешь?

— Рекламировать «Линкольны» в отеле наверняка приятнее, чем за гроши убирать дома. Но, увы, я — нелегалка, без документов никакая приличная работа мне в Штатах не светит... — Стелла протянула руки

перед собой и сделала ими пару движений полукругом, словно управляла автомобилем. — Я — линкольн-герл, ж-ж-ж, — и расхохоталась.

Осип покосился на нее. Отличный кадр увиделся ему: безлюдный берег, обрывы, поросшие редким кустарником. И коварный прищур ее огненных цыганских глаз! Контрабандистка! Длинная юбка и черная футболка с короткими, нет, с длинными рукавами. Довольно ее открывать. Он оденет ее в черное, замурует с головы до пят!..

— По правде говоря, для утонченных ролей ты не совсем подходишь. Не обижайся, но ты слишком чувственная. Как и твоя любимая Софи Лорен. Это вообще не мой тип женщин. Я больше люблю тощих, на вид немножко замученных, типа Николь Кидман или Джулии Робертс. Помнишь, как Джулия Робертс сыграла проститутку в фильме «Красотка»? Миллионы зрителей проливали слезы. Мой напарник в охране, бывший коп по борьбе с особо опасными преступлениями, однажды признался мне, что плакал два раза в жизни — на похоронах своей матери и когда смотрел этот фильм. Вот это, понимаю, сила искусства!

— Совершенно глупый фильм. Хотя бы потому, что проститутки никогда не спят с теми мужчинами, которых любят. Любовь для них — слишком тяжелое испытание...

— Хм-м, интересно, — он помолчал, пытаясь проникнуть в смысл услышанного. — Знаешь, я придумал для тебя другую роль.

— Какую?

— Тебе понравится. Надеюсь, в твоём гардеробе найдется длинная темная юбка и черная футболка. Вот и хорошо. Значит, сегодня вечером, в девять? Гарантирую, мы сделаем потрясный клип: «Кармен», музыка Бизе плюс немножко «Роллинг Стоунз». Как тебе, а? — он задорно щелкнул пальцами, предвкушая съемку.

— О'ке-эй! Сегодня в девять! — Стелла внезапно обхватила его голову и, прижав к себе, поцеловала в волосы. Она-то думала, что съемки

закончены, что это баловство Осипу надоело. Нет же! Съемка продолжается! Три, два, один, action!..

Ни слова не говоря, быстро пошла прочь. Случайно или нет, нагнала Тоню, которая шла вдоль кромки воды, уже не глядя больше на мужа после стольких попыток отвлечь его от этой пляжной красотки. Поравнявшись с ней, Стелла начала вдруг размахивать руками, видимо, что-то говорила Тоне, но до Осипа не долетало ни звука.

Он смотрел вслед двум этим женщинам и невольно сравнивал их фигуры, походку, прически. Он чувствовал, как сильно и часто начинает биться его сердце, когда его взгляд скользит по Стелле.

Она шла походкой профессиональной стриптизерши манхэттенских стриптиз-клубов, где ее лапали тысячи потных, липких мужских рук, где в полумраке грохочущих залов она вертелась и елозила, голая, на мужских коленях, исполняя лэп-дэнс, уходила с мужчинами в «приватную комнату с шампанским»... Осип ни на миг не сомневался в том, что вся она, до последней нитки, соткана из фальши, фальши и притворства.

Но Тоня, его Тоня, строгая и чистая, рядом с этой насквозь лживой стриптизершей казалась ему сейчас блеклой, безликой. Даже Тонина шея, ее лебяжья шея, придающая ее стану гибкость и необычайную нежность, виделась сейчас длинной и кривой, как вопросительный знак. Он даже представил, как к старости эта шея согнется под тяжестью прожитых лет, с хроническим остеопорозом...

Его пальцы непроизвольно зашевелились, словно искали кнопку фотоаппарата. Почему-то ему захотелось увековечить эту сцену — две грации на берегу.

«Э-э... Все это чепуха! Побалуюсь со Стеллой еще немного, а потом — за работу. Не забыть позвонить продюсеру, поговорить с ним о новом фильме». Он побежал в набегающие волны и, когда вода достигла груди, нырнул.

***

Крабов хорошо ловить с раннего утра, когда они голодны, прожорливы, а потому чрезвычайно активны. Да вот беда: с утра — отлив, поэтому гряда камней, под которыми обычно шныряют черные и серые в крапинку крабы, вся на суше. Внизу валуны покрыты мелкими ракушками. Сейчас, подсохнув на солнце, они издают тухловатый запах.

Но постепенно, в силу сложного взаимодействия Солнца и Луны с океаном, Великий океан возвращает земле свои холодные воды. И вот уже волны, подбираясь все ближе, подрывают песчаные замки и башни, рушат крепостные валы. Предусмотрительные мамы оттаскивают подстилки подальше от подступающей воды; спасатели на вышках уже реже болтают между собой, чаще свистят и машут руками заплывающим слишком далеко. А к темным валунам тянутся отважные ловцы крабов...

Арсюша, разумеется, среди них. С ними и Томас. Том учится с Арсюшей в одной школе, в параллельном классе, но живет он здесь, в Sea Gate. В школе они приятелями не были, но в Sea Gate сошлись поближе. Том может долго и быстро бегать, умеет нырять и прыгать с песчаного обрыва. И, надо сказать, Арсюша чувствует это превосходство Томаса, завидует ему и хочет быть таким же смелым и ловким. Единственное, что Арсения немного смущает, — вспышки злости и жестокость, с какой Том порой душил мальков и отрывает крабам клешни. А если ему что-то не нравится, он может страшно рассердиться и полезть в драку.

«У Томаса нет отца, поэтому он такой неуправляемый, по сути несчастный ребенок», — эту фразу Арсений как-то услышал в разговоре родителей и потом над ней размышлял, пытаясь найти связь между «несчастливым ребенком» и «нет отца». Связи никакой, надо сказать, не обнаружил: у Томаса-несчастливого игрушек гораздо больше, чем у Арсюши,

и мама ему разрешает очень многое. Интересно, подглядывает ли Томас за своей мамой, когда она принимает душ?..

Иногда к их команде краболовов присоединяется и Мойше — миссис Эстер и мистер Джеффри стали разрешать Мойше ходить на пляж с соседями. Мойше даже у воды не снимает ермолку, еще и одет в спортивные, до колен, рейтузы и футболку. Мама объяснила, что Бог так велит иудеям. Строгий, однако, Бог у Мойше, еще строже Бога в церкви.

Если уж речь о богах, то и Бог в церкви тоже не отличается мягкостью. Иначе почему Арсюша по воскресеньям должен там томиться все утро под заунывное пение совершенно непонятных слов: «отчинаш, всинебесих, всится имя твое...»? Да еще когда мама то и дело одергивает: «Ты что, не можешь постоять спокойно пять минут?!» Пять минут! Как понять, что такое пять минут?! Это когда наступит вечер и тебя погонят спать?

Э-эх, просто беда с этими богами. Арсюша искренне сочувствует Мойше, потому что тот из-за Бога должен ходить по пляжу одетый.

Еще Мойше — «несчастный», это тоже сказано о Мойше мамой в разговоре с отцом. Правда, почему такие совершенно разные — Томас и Мойше, одинаково «несчастные» — непонятно.

Мойше — пугливый, робкий. С обрыва прыгать не умеет, стоит внизу и смотрит, как Томас с Арсением и другими ребятами отважно прыгают и перекатываются по песку. Бегает Мойше медленно, хоть и старается, но никогда и близко не угонится за остальными. Нырять он вовсе не умеет, заходит в воду по колени и растерянно озирается по сторонам, будто ждет чего-то — то ли аплодисментов, то ли насмешек. Что уж говорить о ловле крабов, где нужна сноровка и смелость?

...Ты идешь в прозрачной воде, едва-едва замутненной песком. Скользкие лентообразные водоросли цепляются за ноги. Сонмы застывших чаек и альбатросов напряженно следят за этими двуногими существами, часто восклицаящими: «Крэб! Крэб!»

Вот по дну, взрывая песок всеми шестью лапками, бежит серый краб. Он появляется неожиданно, из расселины между камнями, где долго прятался в темной прохладе. Краб бежит к водорослям, в бахrome которых обильная пожива планктона. «Крэб! Крэб!» — кричит Томас, вонзает руку в воду и выдергивает краба. Тот отчаянно шевелит в воздухе клешнями. Стайка перепуганных мальков шарахается в сторону, блеснув чешуей.

«Крэб! Крэб!» — Арсюша наклоняется к самой воде, вглядывается — что-то темное как будто шевелится у камня — то ли тень, то ли гнилая палка.

Напряженно глядят неподвижные чайки на этих двуногих существ, которые порою взбираются на камни, влезают в щели между валунами. Иногда существа подбираются так близко, что птицы, издав возмущенный крик, срываются с места и перелетают на другие камни.

«Крэб! Крэб!» — это Мойше, он тоже цапнул одного маленького крабика и выбежал с ним на сушу. Набрал в половинку большой ракушки воды и выпустил крабика туда.

У Мойше нет переносного пластикового аквариума на веревочке, как у Томаса, Арсения и других ребят. Мама обещает купить. У него нет ни летающих змей в окраске Спайдерменов, ни надувных акул. Но сейчас он безумно счастлив — он сам поймал замечательного краба с такими подвижными клещами и длинными усами, смотри, как шустро бегаёт по дну ракушки.

Мойше, конечно, его выпустит обратно в океан, ведь там, под камнями, его ждут мама, папа, сестра Пэм и любимая собака Джилл. Разве можно человеку, если он даже и краб, жить в чужом месте, с чужими людьми?..

В Денвере они несколько раз всей семьей ездили в Скалистые горы на отдых в кемпинг, купались в горной речушке. Крабов там не было. Мойше поправляет на голове ермолку, приколотую к волосам. Надо сказать,

ермолка чертовски ему надоела, но дядя Джеффри и мама запрещают ее снимать под страхом Божьего наказания. Живя в Денвере, он ходил без шапки и в холода, и никому, даже Богу, не было до этого дела.

Мокрая одежда Мойше с прилипшим к ней песком стала тяжелой. С кончиков пейсов капает вода. «Крэб! Крэб!» — доносятся до Мойше крики. Он собрался было выпустить краба, но вдруг словно очнулся — что же тогда он покажет ребятам? Они ведь тогда снова будут его дразнить, мол, такой дурачок и трус, не смог поймать ни одного краба!

И вот, в финальной сцене, — настоящая оргия. Ноги и руки краболовов расцарапаны и в красных пятнах от случайных ударов о камни, от неудачных сползаний с валунов, от колючих водорослей. Губы — синие. В глазах — только перебегающие по дну тени. В ушах — «Крэб! Крэб!» В пластиковых аквариумах, вползая друг на дружку, пытаются выбраться на волю и избежать жестокой участи пойманные крабы.

Но от судеб спасенья нет! Сорвавшись с валунов, чайки устремляются к берегу. Те одиночки, что носились в океане над водой в поисках рыбы, меняют курс и несутся к своим собратьям на берегу. Пожива! Крэб! Сейчас эти странные двуногие существа будут швырять крабов в воздух. Сейчас понадобятся моментальная реакция, сила крыльев для отталкивания противника, удар клюва, прыжок и всепожирающая любовь к этому изумительно белому, нежному мяску, спрятанному под панцирем.

И вот, крутясь, в воздух полетели первые. Захрустели панцири под ударами твердых клювов. «Кр-рэб! Кр-рэб!» — пищат ненасытные чайки, готовые заклевать любого, кто попытается помешать их трапезе. На песке, как на поле сражения, валяются оторванные клешни и расколотые панцири. Кр-рэб! Кр-рэб!..

Глава 6

Тихо в зале Оперативного центра охраны гостиницы «Мандарин». Изредка бикают стоящие на подзарядке батареи рации. Монотонный гул горящих люминесцентных ламп под потолком нагоняет зевоту. Поперек зала — длинный стол, на котором находится огромная панель управления с кнопками и рычажками.

Сзади, собственно, ничего интересного: вешалка, на которой висят несколько черных пиджаков униформы, галстуки да ряд пустых серебристых вешалок.

В одном углу — хромированный сейф с оружием. Сейф закрыт. Дабы избежать попадания оружия в нехорошие, нечистые руки, на дверце установлен замок с секретным кодом, да еще и приемник для электронных пропусков. Оно, разумеется, правильно — меры безопасности.

Впрочем, шансов, чтобы хоть один из пистолетов или даже один патрон попал не в те руки, абсолютно, повторяю, абсолютно никаких нет. Пропуска с ограниченным электронным допуском в зал Оперативного центра, в эту святая святых охраны, имеют лишь оперативные дежурные, начальник охраны и его зам. Обычные рядовые охранники, эти чугунные лбы в униформе, — даже они не могут сюда войти; их заводят лишь изредка в офис начальника, и только по делу, скажем, обсудить график дежурств или сообщить об их увольнении.

Ах да, забыл про двери в это охранное логово: две двери, разделенные крохотным коридором. Разумеется, все тоже закодировано, с электронными ленточками, секретными замками и так далее.

Но довольно о технике Оперативного центра, интерес представляет не она, во всяком случае, не для Осипа, сидящего спиной и к вешалке, и к сейфу с оружием, и к дверям.

Пять огромных экранов, отключенных от видеокамер внутреннего и внешнего обзора гостиницы, отданы одной-единственной женщине, к гостинице «Мандарин» не имевшей ни малейшего отношения. Каждый из

пяти экранов может дробиться на четыре, восемь и шестнадцать частей, тем самым умножая Стеллу, если не ошибаюсь в подсчетах, на восемьдесят.

Стелла на этих экранах то вырастала, то уменьшалась, то становилась почти прозрачной. С ее лицом также происходили метаморфозы: оно укрупнялось до того, что на щеках были различимы даже розовые пятнышки едва проступивших прыщиков, то взрывалось, как петарда, разлетаясь горящими брызгами в виде кусков носа, глаз и ушей.

Осип нажимал кнопки на принесенном из дому ноутбуке, монтируя ранее записанный видеоматериал.

Зачем он снимал эти кадры? Зачем ходил с фотоаппаратом и видеокамерой на безлюдный пляж, к Стелле домой и с ней по всему Нью-Йорку? Что он намеревался делать с этими роликами? Нельзя же такую, по сути, видеочепуху представлять на фестиваль. Даже предложить это солидной фирме по интертейменту — тоже вряд ли. Кому нужны эти пусть мастерски отснятые и смонтированные сцены с красивой, полной шарма, но совершенно безвестной женщиной?

В качестве самооправдания и хоть какого-то рационального объяснения, Осип приводил следующие доводы: «Это мой творческий брейк. Я ведь не дробильно-выгребная машина, чтобы постоянно творить. Нужна пауза. «Призраки Бруклин Хайтс» стоили мне слишком дорого, я едва не тронулся рассудком, когда однажды на улице умолял какую-то пару дать мне автограф, приняв их за Артура Миллера и Мэрилин Монро. Хорошо, что рядом был Ник, молодчага Ник, при всех своих сумасшедших перевоплощениях и лицедействе ни на миг не терявший чувства реальности. Что же касается Стеллы, то... флирт — обычное явление в артистической среде. Но запретную черту переходить вовсе не обязательно».

А Стелла была потрясающе телегенична! Все ее мелкие внешние диспропорции, которые мог бы разглядеть только взыскательный эстет,

скажем, широковатые бедра или слабо очерченный рисунок губ, на экране приобретали силу достоинств.

В жизни, стоя рядом с Осипом и прикуривая сигарету, Стелла казалась обычной женщиной, даже несколько вульгарной, каковой, собственно, и являлась. На экране же эта вульгарность совершенно исчезала. На экране появлялась не баба, вышедшая из стриптиз-клуба, а дама, полная страстной истомы с оттенком трагического надлома.

Нужно отдать должное не только экрану и техническим свойствам объективов, кстати, жутко дорогим — одни только широкоугольники и длиннофокусники обошлись Осипу в его две зарплаты.

Отдадим должное и Стелле, этой злой чародейке. Завидя нацеленный на нее объектив и напряженные пальцы Осипа на кнопке, Стелла вмиг преображалась. Ее грязная жизнь с мрачным прошлым — воровством, насилием, наркоманией, арестами — бездыханным трупом падала к ее ногам, а в объектив входила другая Стелла: чистая и светлая, какой была давным-давно, в отрочестве и ранней юности, когда мечтала стать артисткой...

Она смотрела по-собачьи, даже лицо ее как-то по-собачьи преданно вытягивалось вперед, чтобы по малейшему движению хозяина, одному шевелению его брови уловить, чего он хочет. «Апорт! Сидеть! Взять! Фас!» И Стелла брала. Она брала высоты, которые ей позволяли врожденные способности актрисы, азарт и внешняя красота при отсутствии специального образования.

Она быстро изучила Осипа, нацеливая на него объектив своей женской интуиции и опыта. Она уже знала, что означают его полужакрытые во время или после съемки глаза, потягивание носом, вытянутые дудочкой губы. Когда Осип сильно нервничал, недовольный отснятым, Стелла подходила к нему и шутя прикладывала к его губам свою ладошку, мол, помолчи

немного, успокойся. Это вызывало у него прилив нежности и сильного желания.

В конце концов Осипа так закружило и понесло, что он уже мысленно согласился с тем, что переспит со Стеллой. Разумеется, она легко ему отдастся, считал он, тем более что была с ним крайне раскованна и казалась абсолютно доступной. Да, супружеская верность будет нарушена. Но в серьезные отношения с ней он вступать не станет. Только флирт, съемки и секс. Это никак не отразится ни на его семейной жизни, ни на его творчестве.

...Он обнимал ее, положив руки на ее талию, пытался прижать к себе, упираясь набухшим в брюках членом к ее бедрам в юбке или, в зависимости от сцены, в трусиках. Но почему-то всякий раз Стелла выскользывала из его рук, как та змейка, оставляя ему сброшенной чешуей неудовлетворенное желание. И флирт, и съемки продолжались, переплетаясь, спутываясь узлами и снова развязываясь, с обидами Осипа, с нотками злости в его голосе, с минутами сердитого молчания.

Сначала он снимал ее в Sea Gate, на безлюдном вечернем пляже. Вот Стелла на мелководье, в бикини, плещется, как русалка, — обычная рекламная заставка TV подписываться на порноканал. А вот она на спасательной вышке: в оранжевом жилете, топлес, со свистком и в шляпе — ну, это на обложку журнала «Максим» или «Спорт Иллюстратор».

А вот кое-то поинтересней: Бруклинский ботанический сад, цветение роз и орхидей. Стелла в светлом сарафане. Пунцовые и черные розы свисают с арочных декоративных входов, как в сказочном замке. Повсюду стреляют струйки фонтанов, и Стелла цветочной феей летит по анфиладе роз...

Внимание: на экране появляются звери — дикие кошки, медведи-гризли, тигры Бронкского зоопарка! Стелла дразнит обезьян в открытом

питомнике; подняв кверху руки, рычит на тигра, вынырнувшего из густого кустарника и одним прыжком очутившегося у заградительного стекла.

Вот они оба, Стелла и Осип, садятся в подъехавшую кабинку передвижной канатной дороги зоопарка. Стелла проходит вперед в кабинку, Осип отдает билеты разморенному жарой билетеру, тоже входит в кабинку и запирает дверцу.

Плавно покачиваясь, кабинка плывет над землей. Поднимается все выше, над кронами деревьев. Внизу широкие дороги сужаются, превращаясь в тонкие жилки в этом бушующем море зелени.

— Смотри! Смотри!

В кустарнике прячется тигр, а во-он — озера со стаями уток. Осип держит камеру, стараясь не терять ракурс и держать Стеллу в объективе, что непросто — кабинка раскачивается от ветра и от толчков Стеллиных ног.

Ее охватывает детский восторг! Так хорошо ей уже давно не было, даже от кокаина.

— Смотри! Смотри! О-бал-деть! — указывает она рукой куда-то и открывает дверцу кабины.

Осип несколько озадачен — может закончиться штрафом. В кабине перед ними — женщина с детьми, она недоуменно таращит глаза на это безобразие. Осип наводит на нее камеру, чтобы она отвернулась.

— Да смотри же ты, чурбан! — Стелла высовывает голову из кабинки. — Ва-ва-ва! — прикладывая ладонь к раскрытому рту, орет, как дикарка.

Осип направляет объектив вниз, где в густой высокой траве бегут орангутанги. Мелькают их волосатые темные спины. Осип берет общим планом, потом старается выхватить детали: трава, лапы, мохнатые головы.

— Ва-ва-ва! — Стелла не унимается. Она стоит к нему задом, выгнувшись; из кармана шорт-хаки выглядывает угол пачки сигарет.

Осип опускает камеру. Смотрит на свои руки, которые... на глазах покрываются жесткой шерстью, на свои крупные, загнутые концами внутрь когти! Прыгает в траву и, отталкиваясь от земли мощными лапами, бежит за ней вместе с другими самцами.

Впереди — несколько самок, но он выбрал ее, ее одну. В траве мелькает ее розовый крепкий зад, обрамленный шерстью, ее голова втянута в плечи.

Она озирается и продолжает бег. Сверху протянута подвесная канатная дорога, в кабинках, что плывут в небе, сидят ее сестры — с детенышами, но без шерсти и без хвостов. Она слышит, как сзади, уже совсем близко, шелестит трава, как под тяжестью его тела и ударов лап хрустят поломанные ветки. Она слышит его частое горячее дыхание. Всё, она сдаётся — делает несколько сильных прыжков в сторону, туда, где мягче трава...

— Ты что, совсем спятил?! — Стелла отталкивает Осипа, поправляет на себе шорты, которые он пытался расстегнуть. — Здесь этим заниматься нельзя. Здесь же вокруг звери!

Он с мрачным видом накрывает объектив крышечкой.

***

— Ну и дела! — Уолтер, переводя дух, принял любимую позу — с ногами на столе.

Бросил озабоченный взгляд на свои туфли. Да, дела неважные: кожаный кант стерт, носок смят, форма, придающая мужской обуви определенную молодцеватость, утрачена. А изношенные туфли у оптимиста Уолтера всегда вызывали нехорошие эмоции, в изношенных туфлях сквозила осенняя безнадега. Словом, пора покупать новые.

Он приспустил узел галстука и освободил от верхней пуговички рубашки плотную шею.

В зале было прохладно, кондиционеры нагоняли холодный воздух. Но жарко было на улице, где днем разогретый до ста градусов по Фаренгейту асфальт медленно остывал к ночи, отдавая весь свой жар воздуху. Клубами воздух поднимался вдоль стен небоскребов, тоже еще теплых, почти горячих.

И вот час назад по такому пеклу Уолтеру пришлось бежать, протискиваясь между лимузинов, полицейских машин и тысяч туристов.

А бежал Уолтер на свой пост, в Оперативный центр, бежал из квартиры своей подружки Лизы, потому что ему на мобильник позвонил коллега, великий русский режиссер Джозеф, и сообщил, что в гостиничном баре, в знаменитой «Французской прачечной», началась драка: несколько пьяных мужиков сцепились из-за какой-то женщины, бьют посуду и переворачивают столы. Осип, разумеется, вызвал полицию. Копы придут с минуты на минуту, но все-таки лучше, чтоб Уолтер был на рабочем месте. Вырванный из постели Лизы Уолтер живенько натянул штаны и рубашку, пристегнул ремень с кобурой и пистолетом, а пиджак уже надевал на бегу.

На месте происшествия делать Уолтеру уже было нечего, к его прибытию полицейские и вооруженный андеркавер (переодетый агент из внутренней охраны) вывели из бара нарушителей — троих пьяных мужчин. Двое вели себя смирно, не огрызались и были отпущены. Третий же оказался то ли более пьян, то ли более глуп, ругал копов на чем свет стоит, размахивал руками, желая продолжения банкета, и получил его, очутившись в полицейской машине на заднем сиденье в наручниках.

Уолтер, подоспевший к финальной части, помог захлопнуть дверцу полицейской машины, где сидел буйан, и недолго поболтал с бывшими коллегами-копами о всякой всячине, не забыв, как положено, записать их имена и номерные знаки.

Вид он имел строгий и одновременно добродушный, радуясь тому, что в принципе ничего серьезного не случилось и его отсутствие на посту прошло незамеченным. Хотя немного досадовал, что его стащили с Лизы. Поднявшись в Оперативный центр, поблагодарил Осипа за сигнал, бодренько сел к столу, написал в журнале короткий рапорт о происшествии; где иному писателю понадобилось бы, наверное, десять долгих страниц, а по-чеховски лаконичному Уолтеру хватило трех скупых строчек. Из-за чего, вернее, из-за кого случилась драка, было неизвестно: таинственную незнакомку вынесло из «Французской прачечной» в неизвестном направлении мутным ручейком, поэтому в своем рапорте Уолтер обозначил ее как «якобы проститутка номер один».

Теперь, когда инцидент, можно сказать, был исчерпан, в «Мандарине» снова воцарились тишь да гладь и бар снова открыли для ночных посетителей, Уолтер мог расслабиться. Правда, перед этим он распорядился усилить пост, специально послав к бару охранника, и попросил подключить к видеокамерам «Французской прачечной» дополнительный экран, что Осип незамедлительно исполнил.

Следует заметить, что «Мандарин» охранялся двумя службами: официальной и тайной. В официальную кроме начальника входила группа дежурных смен, операторы и безграмотные, ленивые security, призванные скорее создавать впечатление бдительной охраны. В ночную смену команда охранников сокращалась втрое.

Разумеется, реальную безопасность сложного гостиничного механизма такая команда обеспечить не могла. Подлинную безопасность обеспечивала внутренняя вооруженная служба охраны, о которой мало кто знал. Она включала дюжину бывших полицейских и военных: подобно «андеркавер», в обычных темных костюмах, плечистые и почти без шей, они появлялись в горячих точках отеля всегда неожиданно и всегда своевременно.

Только этим, и ничем другим, объяснялась беспечность Уолтера, постоянно курсирующего во время своих ночных дежурств от будуара своей герлфренд к пультам наблюдения и обратно. Уолтер отлично знал, что в этой системе его роль — незначительная, почти бесполезная.

***

...Третий час ночи, впереди еще почти шесть часов дежурства. Шесть долгих часов тупого глядения на экраны.

— Мэн, у меня для тебя есть интересное предложение, — говорит Уолтер, вытирая шею влажной ароматизированной салфеткой.

Что ни говори, это маленькое ночное приключение вынудило Уолтера попотеть в буквальном смысле слова. Совершить двадцатиминутную пробежку по Манхэттену от будуара прекрасной Лизы до оцепленного полицией гостиничного бара! Потом еще корпеть над рапортом, что всегда давалось Уолтеру с невероятным трудом.

Надо признаться, ранний выход на заслуженную пенсию при всех финансовых преимуществах имеет и негативные побочные эффекты, такие как увеличение доз выпиваемого пива, добавочные порции свиных стейков, ослабление подвижности и, как следствие, лишний вес... И еще эта проклятая потливость, а запах пота Уолтер терпеть не мог...

Он бросил скомканную салфетку в урну и, довольный попаданием, продолжал:

— Мой бывший шеф купил себе дом в Нью-Джерси. Роскошная вилла, с террасами, садом и бассейном. Обошлась ему в полтора миллиона, но он смог взять в банке кредит под хороший процент.

— А какое отношение имею я к вилле твоего бывшего босса? — Осип полез в карман брюк, достал оттуда крохотную пластиковую бутылочку с острым белым носиком. Закрыв глаза.

Горят глаза, горят после долгого всматривания в экраны. Словно горячий песок занесло на роговицу. И зрение, похоже, падает — постоянно приходится щурить то правый, то левый глаз. Имеет смысл на время вообще перестать заниматься монтажом клипов — в клипах слишком много склеек.

Подняв лицо и над ним руку с бутылочкой, Осип оттянул веко и легонько сдавил пальцами податливый пластик. Из белого носика капнула в глаз спасительная капля.

— При чем здесь ты? Объясняю: шеф хочет, чтобы ты отснял и его виллу, и, разумеется, его самого. Бассейн, сад, рядом с виллой — поле для гольфа и озеро с лебедями. Он хорошо заплатит, — продолжал Уолтер, расстегивая кобуру слева на груди и вынимая пистолет. — А еще помимо денег ты заведешь очень полезное знакомство с шефом отдела нью-йоркской полиции по борьбе с особо опасными преступлениями. Такими знакомствами, приятель, не разбрасываются. Джозеф, не будь зазнайкой, ближе к реальности! — завершил Уолтер любимой фразой, выражавшей его жизненное кредо. Поднявшись, направился к сейфу.

Осип сидел, наклонив голову и зажмурив глаза, откуда выбегали и катились по щекам тонкие ручейки, он называл их «мои слезки». Слышал, как за спиной что-то брякнуло, затем глухо захлопнулась металлическая дверца оружейного сейфа.

— О'кей, я подумаю, — ответил Осип, раскрывая глаза. Перед ним — те же экраны, но изображение уже с резкостью, с контрастом. И глаза уже не печет.

— Или ты ждешь предложения из Голливуда? Чудак, знаешь, сколько таких, как ты, мечтают о Голливуде? — продолжал Уолтер, который, следует заметить, не имел ни малейшего понятия о жизни артистов или режиссеров, разве что по обложкам желтых журналов. — Вот ты снял фильм, так? Получил бабки и позолоченную фигурку, так? И что дальше?

Ну поставил фигурку на полку, ну показали тебя разок-другой по телевизору, ну в газете что-то там тиснули. И что дальше? — допытывался Уолтер, пытаясь приподнять этот чугунный для него занавес и проникнуть за кулисы искусства.

— Дальше — ничего, — Осип пожал плечами. На Уолтера он не сердился, понимал, что с некоторыми людьми разговоры об искусстве вести не следует, это даже неприлично.

А и впрямь, что изменилось в его жизни после успеха на фестивале? Кажется, все это было еще вчера: во время показа его картины он напряженно считал, сколько зрителей покинуло зал. Ожидал-то, что выйдет почти ползала. Но вышли четыре зрителя! Потом он произнес со сцены короткий спич, отвечал на вопросы зрителей. Когда в списке победителей назвали его имя, Осип почему-то даже не удивился. Лишь после вручения приза, когда возвращались в машине домой, он вдруг сбавил скорость и вытер набежавшие слезы...

Телефон в те дни звонил, не умолкая, электронный почтовый ящик и «Фейсбук» даже не хотелось открывать — столько там было поздравлений! Он уже был готов проснуться знаменитым. Но... где же конкретные предложения и выгодные контракты? Пару раз какие-то мелкие агентства предложили ему снять 15-минутные рекламные фильмы, толком не выделяя на это ни средств, ни времени. От такой халтуры Осип отказался.

Несмотря на ворох хвалебных рецензий, его фильм для проката пока никто не купил. Продюсеры ведут переговоры с дистрибьюторами об ограниченном прокате картины в США и Канаде. Вроде бы собираются пригласить на фестиваль игрового кино в Лондоне. Заинтересовались в России. Пока всё. Короткий звон литавр перед гробовой тишиной.

Механизм киноиндустрии, как известно, весьма громоздкий и запутанный. Новичку Осипу было совершенно непонятно, какие колесики и шестеренки взаимодействуют, приводя этот механизм в движение. Но уже

было очевидно: для того чтобы стать звездой, одного успешного дебюта недостаточно.

Фильм «Призраки Бруклин Хайтс», во время съемок казавшийся Осипу шедевром, теперь как-то поблек, потерял свою призовую золотистость, уже зиял огрехами и виделся ему рядовым фильмом, который скоро забудут, если уже не забыли.

Нужно теребить продюсеров, связываться с новыми агентствами, совать им всем под нос свою призовую статуэтку, звонить Нику, унижаться, предлагать новый сценарий...

Да, кстати, немаловажный вопрос — о чем будет его новый фильм? Долгое время он вынашивал художественный замысел — снять картину о детях, больных раком на последней стадии. Когда-то работая санитаром в хосписе, Осип познакомился с некоторыми из них и их родителями. Эти дети еще не знали, что такое смерть, но как будто понимали, что из хосписа уже никогда не выйдут, поэтому как-то не по-детски ценили каждую минуту жизни...

Но сценарий до сих пор так и не написан. Пока хочется снимать только Стеллу...

— Смотри, к старому хрычу из 218-го номера опять идут две шлюхи. Ну-ка увеличь, — распорядился Уолтер, указывая на один из экранов.

Щелчок — и две вытянутые фигуры девушек возникли в полный рост. Вид спереди: белые волосы, коротенькие платьица, туфли, по-видимому, на очень высоких каблуках, потому что походка у девушек шаткая, идут как на ходулях. Подходят к двери номера 218, стучат и через минуту скрываются в том номере.

— Знаешь, что в сумочках этих красавиц? Думаешь, презервативы и хлысты с наручниками? Нет, там самый чистый, самый свежий колумбийский кокаин. Наверное... — Уолтер сощурил один глаз, будто

мысленно проникая в сумочки пришедших дам. — Грамм пять, не меньше. Интересно, сколько они сегодня вытрясут из этого старого пердуна?

Что ни говори, Уолтер — профи: сидит, болтает о всякой чепухе, а замечает каждую мелочь.

— Знаешь, как они называют кокаин? Шампанское, — продолжал Уолтер. — Звонят в свое секс-бюро и говорят боссу, мол, клиент из такого-то номера хочет еще шампанского, три бутылки. Это значит, три грамма кока. И босс посылает клиенту машину с «шампанским» по самой высокой цене.

Но Осип его уже не слушал. Почему-то сопел, нервно перебирая пальцами по кнопкам.

Уолтер покосился на коллегу. Потом взглянул на экраны, и этого беглого взгляда ему было достаточно, чтобы убедиться — в отеле полный порядок.

— Извини, мне надо ненадолго выйти, — Осип поднялся и, стараясь сохранять внешнее спокойствие, направился к дверям.

К тем самым замечательным дверям, что имеют секретные коды и электронные замки. Двери эти не чинили ему ни малейшего сопротивления, открылись легко, и через секунду Осип уже несся к лифту, сжимая рацию в руке.

Выскочив из лифта, побежал по коридору. Но сообразив, что промахнулся этажом, бросился к двери пожарного выхода.

На лестничной клетке, на ступеньках, спал молодой негр в униформе охранника, прислонившись спиной к стене. Возле него на полу лежала развернутая газета. Охранник открыл глаза, бормоча извинения, стал было подниматься — решил, что перед ним новый начальник. Но этот странный господин с дикими глазами и рацией в руке, ни слова не говоря, вдруг умчался по лестнице вниз.

— Стелла! — крикнул Осип, догоняя пару, идущую по коридору мимо огромных ваз с цветами.

Мужчина и женщина остановились.

— Ой!.. Сорри, сорри... — Осип попятился.

Мужчина — миниатюрный японец в костюме. Девушка рядом с ним — с красивым лицом в ореоле распущенных каштановых волос, в декольтированном платье. Очень похожа на Стеллу.

Сконфузившись, все недолго пялились друг на друга.

— О'кей, о'кей. Пикчер, фото, — залепетал благодушный японец. Протянул свой iPhone Осипу, миниатюрной ручкой обнял подружку за талию и уставился в объектив. Потом полез в карман за деньгами.

***

Легко и беззаботно, словно после освежающей прогулки, Осип вернулся в Оперативный центр:

— Представляешь, выхожу сейчас из туалета, а там какой-то японец с девкой, попросил меня их сфотографировать. За минуту фотосъемки отвалил мне пятьдесят баксов! Расценки Стивена Спилберга.

— У тебя, приятель, на деньги чутье, — отозвался Уолтер.

Уолтера уже одолевала дремота. Он склонил голову с густыми черными, зачесанными назад волосами, упер подбородок в грудь. Профессионал, Уолтер мог спать в любом месте, и никакой шум, хоть пушечная канонада, не могли его разбудить.

Он никогда не храпел, воздух тихо и мерно проходил через ноздри его утинового носа в мощные легкие и выходил обратно чистыми струями. Губы были сомкнуты, ровные тонкие губы, которые во время бодрствования были очень подвижны, как, впрочем, и его темно-карие глаза, ни на миг не прекращавшие наблюдения за всем вокруг. Широкогрудый, дремлющий, со

склоненной головой и вздымающимися плечами, он напоминал древних исполинов времен битв римлян с кельтскими племенами...

Сон его, правда, в ту летнюю ночь длился недолго. Разбуженный странной силой Уолтер раскрыл глаза и не сразу поверил, что проснулся. Будь он русским, ущипнул бы себя за ляжку, но он был из ирландцев, поэтому суеверно дернул себя за ухо.

— Как ее зовут?! Джозеф, как ее зовут?! О-о, мэ-эн!.. — застонал Уолтер. Расстегнул еще пару пуговиц рубашки и стал чесать свою грудь: — Джи-исус Крайст!..

На огромном, во всю стену экранном панно сменялись кадры с обворожительно красивой загорелой женщиной в белых кружевных трусиках и в таком же ослепительно белом лифчике. Женщина валялась на широкой кровати, ползала змеей, становилась на колени и, хищно выпятив нижнюю челюсть, с кровавым ртом, ползла вперед; потом, обессиленная, падала на спину, томно вытягивая зовущие к себе руки...

Единый огромный экран вдруг разбился на десятки маленьких, и в каждом из них появился Осип — крохотный, как лилипут. Лилипуты-Осипы бегали из угла в угол, словно пытаются найти выход из этих стеклянных коробок. Неожиданно в экранах вспыхивала спичка. Пламя разгоралось, бушевало, яростно билось о стены. И когда глазам уже становилось больно, пламя гасло, из головки потухшей спички вылетал дымок и из струек дыма снова возникала полуголая Стелла...

— О-о, мэ-эн, это лучше любого порнофильма! Это даже лучше стриптиз-клуба! — Уолтер не скупился на похвалы. Бисером пота покрылся его лоб, шея тоже матово блестела. — Познакомь меня с ней!

Осип продолжал нажимать кнопки своего ноутбука, не отрывая глаз от экранов. Вот что-то ему не понравилось, он нажал кнопку, и Стелла застыла — крупным планом — с безобразно раскрытым ртом.

...Здесь, да, кажется, на этом кадре, он решил, что сегодня наконец она отдастся ему. Да, так суждено, думал он, именно здесь и именно сейчас — в его квартире, на кровати, которую он двенадцать лет делил с Тоней и больше никогда ни с кем. В тот миг он окончательно поверил, что встреча со Стеллой — не случайна, что его будущее, его жизнь отныне каким-то образом зависят от нее, что в этом не его воля, а так устроено свыше, и сопротивляться судьбе он не будет.

Тони и Арсения в тот миг, разумеется, не существовало. Они были в Sea Gate. Но их фотографии висели в квартире на каждой стене.

Осип почти механически продолжал менять объективы, направлял свет лампы, подсказывал Стелле, что выбрать из того огромного ящика с одеждой, оставшейся у него в доме после съемок «Призраков Бруклин Хайтс», которую из своего театра когда-то таскал неутомимый Ник.

...Она вырвалась из его рук и, больно царапнув его шею, отползла по полу. Сидела молча в углу, впившись в него взглядом испуганных глаз, жирно обведенных карандашом.

— Не надо. Я прошу тебя... — промолвила, кутаясь, словно от холода, в красную пелерину, подтянув ноги к животу.

— Перестань! Ты же опять играешь, опять корчишь из себя Софи Лорен! — он сделал шаг к ней. — Чего ты боишься? Давай... — хотел присесть и обнять ее, но почувал нутром, что эта кошка сейчас расцарапает его до крови, но не отдастся.

— Я прошу тебя, прошу... — она вытерла слезы, размазав тушь по щекам. — Ты же меня бросишь сразу, как только кончишь! И на этом вся моя карьера завершится. А мне нужна мечта, понимаешь? — вдруг сверкнула злым цыганским глазом. — Ну хорошо, о'кей, если так сильно хочешь и так припекло, могу у тебя отсосать, мне не жалко.

— Иди ты!..

Он развернулся, пошел складывать разбросанные по всей квартире шляпы, веера, боа из искусственного меха и прочую бутафорию. Обида, злость, жалость к себе за то нелепое положение, в котором очутился, стучали в виски. Манхэттенская блядь!..

— Нет, она не дешевая стриптизерша, эта девочка — из дорогого эскорт-сервиса, пять тысяч баксов за ночь, не меньше, — высказал слово эксперта Уолтер, когда «фильм» закончился. Он перевел дух, словно только что вернулся из опасного ночного рейда. Посмотрел на часы. — Вот и убили час времени. Спасибо Богу, послал мне такого напарника в смену. Русский режиссер! Русские — великая нация! А русские проститутки — те просто улет. Как же все-таки ее зовут?

Осип посмотрел на Уолтера отрешенным взглядом. От сухого воздуха в зале снова начали чесаться глаза. Расплылось в контурах и мясистое лицо Уолтера, и его расстегнутая рубашка, и кобура для пистолета...

— Ее зовут... Кармен.

Глава 7

Машинально приложив средний и указательный пальцы сначала к мезузе на дверном косяке, затем к губам, Джефффри отворил дверь и спустился по лестнице в полуподвальное помещение иешивы, где находилась кухня. Сюда едва долетали звуки из столовой сверху, где студенты заканчивали ужин.

Кухня, надо сказать, вид имела весьма затрапезный, как, впрочем, и вся иешива. Все в этом здании дышало изношенностью: столы были неустойчивые, шаткие, складные стулья гремели разболтанными перекладинами, двери сильно скрипели.

Что поделать, студенты хоть и должны вносить плату за учебу, но исправно делают это немногие: одни платят с большим опозданием, другие

просто заявляют, что денег у них нет. Таких, безденежных, здесь все равно держат. Нельзя же еврею отказать в изучении Торы и Талмуда, дать ему от ворот поворот. Нельзя.

Так оно и тянется из года в год: здание все ветшает, трубы ржавеют, двери громче скрипят. Еврейская община Sea Gate выделяет иешиве денег ровно столько, чтобы хватило на оплату счетов за воду и свет, налог на землю, на самую невзыскательную еду и срочные ремонты, когда скупиться и тянуть уже дальше нельзя, иначе рухнет крыша или взорвется котел бойлера.

Но для Джеффри эта иешива — земля спасения. Сердобольные раввины, дабы возвратить в Дом Яхве еще одну заблудшую еврейскую душу, дали Джеффу здесь работу повара. Так что, слава Богу! Барух Ашем!

Толстые фолианты Торы и Талмуда в кожаных переплетах сверкают позолотой ивритских букв, в каждой из которых всемогущий Господь сокрыл великое учение о Своей любви к евреям. Золотятся витиеватые буквы, на фоне нищеты и затхлости словно желая напомнить о бренности и ничтожности всего земного и о величии всемогущего Творца...

На Джеффе — когда-то белая, а нынче посеревшая рубашка с закатанными по локоть рукавами, мятые черные штаны, стоптанные туфли. Пегая, с рыжеватым оттенком борода топорщится. Надо заметить, он сам не ожидал такого — пегого, да еще и с рыжиной — цвета своей бороды.

Как было сказано ранее, образ Джеффри, на первый взгляд — обычного хасида, при более внимательном наблюдении многолик. Он вроде бы и похож на религиозного еврея, который только и знает что корпеть над многомудрыми книгами и не интересуется ничем происходящим в этом грешном мире. Но в то же время в Джеффе проглядывает и весьма энергичный мужчина, даже пижон и артист, на котором случайным образом очутилась эта скучная хасидская одежда и зачем-то выросла такая борода.

Какой из них настоящий, истинный? Прячется ли пижон под маской ревнителя ортодоксального иудаизма (а тогда Джеффри можно уличить в фарисействе), или же глубоко набожный еврей скрывается под личиной артиста? Как знать?! И даже прошлое Джеффа, где он наркоманил и скитался, потеряв все, даже знание о таком его нехорошем прошлом не дает полного ответа. Кто может измерить всю глубину сердца человеческого? Кто знает меру страданий, очищающих душу? Только великий Господь Бог!..

Такие вот философские мысли о жизни и смерти порой посещают Джеффа, когда он в своих кухонных владениях занимается стряпней.

В кухне все ветхо и запущено: в окошках крутятся лопасти вентиляторов, пыль с которых не снималась, наверное, лет десять, на старых плитах нагар толщиной в палец, в темной кладовке штабеля консервных банок вареной кукурузы и фасоли. Словом, обстановка не ресторанная.

Да и сам Джефф никак не похож на рекламных поваров в белоснежных колпаках с ямочками на румяных щеках. Но его движения точны и пластичны. Это заметно, когда он, скажем, возле раковины счищает нагар с кастрюли или соскребает со сковородки приставшие обжарки: вж-жик, вж-жик! При этом иногда мурлычет в бороду песенки в стиле кантри или фолк. Когда Джефф в духе — если день прошел легко или вечером ждет что-то приятное, — под песню Боба Дилана или Джонни Кэша даже может пуститься в пляс, с учетом, разумеется, ограниченного пространства между раковиной и плитой и занятости рук ножом или мочалкой.

Все вроде бы хорошо, но... В последнее время что-то изменилось в поваре иешивы. Почему-то все реже он поет и настроен отнюдь не философски. Напротив, часто хмур и чрезвычайно раздражителен.

***

Голоса сверху смолкли. Студенты, прочитав последнюю молитву перед уходом, сложили на столах полосатые талесы, рассовали по шкафам книги и, шаркая по полу ботинками, покинули этот храм науки. Следом за ними ушли и два учителя: один согбенный, старый, с тонким голоском и обмякшим лицом; другой — молодой, недавно вернувшийся из Израиля, где набирался знаний по хасидизму и укреплялся верой в скорый приход Мошиаха.

Ни души в иешиве. Тихо.

Джеффри, не только отвечающий за питание студентов, но и по совместительству выполняющий некоторые обязанности завхоза, прошелся по пустым коридорам, прикрывая двери классов, сопровождая вход в каждую дверь прикосновением пальцев к мезузам. Подобрал талес, кем-то небрежно брошенный на стул и съехавший на пол. Все чаще он поглядывал на часы, словно спешил куда-то или кого-то ждал. Хотя порядок, в общем-то, наведен, и можно спокойно отправляться домой. Но Джеффри почему-то не уходил.

Возле книжного шкафа что-то заставило его остановиться. Нет, не книги привлекли внимание повара иешивы, не буквы древнего иврита. И вовсе не собирался он сейчас читать мудреные комментарии к Торе, хоть, может, там и таятся ответы относительно будущего Джеффа. Не книги заставили его застыть у того шкафа, не книги.

Замерев, смотрел он на свое отражение в стекле дверцы. Свет с улицы проникал через окна косыми лучами заката, и в силу какого-то сложного эффекта преломления лучей отражение в стекле получалось объемным, как на голограмме. Джефф, как бы став призраком, уходил внутрь, в четвертое измерение пространства, между стеклом и книгами, и сквозь этот призрак в ермолке и с всклокоченной бородой просвечивали золотистые древние буквы. Но стоило чуть-чуть изменить угол, отражение пропадало и на

стекле был виден лишь слой пыли. Жутковатый холодок пронизал Джеффа. Настоящий дух с того света!..

Вернувшись в реальность, Джефф посмотрел на часы и решительно полез в карман за мобильником. Пальцы в поисках нужного номера стали подрагивать. Нетерпение, даже злость почувствовал он. Вдруг — непонятно отчего — начал сильно дергать свою бороду. «Спокойно. Спокойно». Найдя наконец нужный номер, надавил кнопку. На звонок его, однако, никто не ответил.

— Дерь-мо! S-shit! — произнес он сипловатым голосом ругательства, вовсе не приличествующие месту для изучения иудаизма.

«Давай, Джефф, давай! Каждый день нарежай здесь хлеб, мой посуду, подметай полы. Почему я должен это делать, почему?! Когда-то в концертных залах мне аплодировали тысячи зрителей, подносили цветы. Джеффри Гордон — восходящая звезда с редким колоратурным сопрано! Гордость семьи... И кто я теперь? Безголосый, всеми презираемый повар! Завхоз без настоящего и без будущего. Почему я должен унижаться перед ребе, притворяться, изображая из себя ревнивого хасида? Получать жалкие подачки от синагоги и за это быть благодарным Богу? Барух ашем? Fuck you!..»

Лицо его пошло пятнами. Он перемещался из комнаты в комнату, хлопая дверьми, обрушивая ругательства, обращенные неизвестно к кому. С прикуренной сигаретой спустился по лестнице в туалет, но бросил сигарету в писсуар и так, с расстегнутой ширинкой, вышел, не отлив ни капли.

Вдруг понял, как сильно он ненавидит Эстер. Вот кто виновник всех его бед! Эстер — истеричная самка, жадная, хитрая. Опутала его цепями, ласками своих пухлых рук, своим звонким смехом, своими лживыми крокодильими слезами! Еще и повесила ему на шею, как ярмо, своего тупого сына. «Дебил!» — воскликнул Джеффри, ударя в дверь ногой, и

непонятно к кому — Мойше или самому себе — было обращено это оскорбление. Эстер все равно ему не доверяет. Сколько бы он ни делал для нее, она за ним следит, смотрит на его руки — нет ли следов от уколов, тайком шарит по его карманам! Окружила его шпионами, выпытывает у студентов, в котором часу он пришел в иешиву, где и с кем провел ленч. Дура, набитая дура! Она думает, что может держать под ногтем его, самого Джеффри Гордона! «Эстер, никогда — слышишь? Ни-ко-гда! — ты не узнаешь обо мне всей правды и не заставишь плясать под свою дудку. Ты для этого слишком глупа, потому что пьешь много пива. Ты же алкоголичка, такая же, как и твой бывший муж!»

— Алкоголичка! Сука! — низвергал Джеффри камнепады проклятий, поднимая поваленные им же самим стулья и разбросанные талесы. Часто вынимал из кармана мобильник и звонил по тому же номеру. Но на том конце загадочный некто упорно не откликался...

— Наконец-то, слава Богу! Заходи... — торопливо бормотал он, впуская Стеллу внутрь, когда она дважды коротко нажала кнопку звонка.

...Здание иешивы утопало в зелени. Птицы на ветках заливались трелями, провожая еще один чудный летний день.

Впустив Стеллу, Джефф высунул наружу голову и, убедившись, что все спокойно, захлопнул дверь.

А бездомная рыжая кошка, какими полон Sea Gate, вынырнув вдруг из кустов, вскочила на перила террасы дома. Выгнула спину, показала острые клыки и, мяукнув, спрыгнула вниз.

***

Они спустились по ступенькам в кухню, во владения повара иешивы, который, надо сказать, к тому времени вид имел неважный и был очень взволнован.

— Извини, хотела прийти пораньше, но пришлось задержаться по делу, — извинялась Стелла.

— Да-да, понимаю, проходи сюда.

Остановились в дальнем углу, где стояли два старых кресла, а над ними в окошке гудел кондиционер.

— Такой же, как в прошлый раз? — спросил Джефф с тревогой и надеждой в голосе.

— Точно такой же, не переживай.

— Давай, — сердце его росло в размерах, ширилось во впалой груди.

— Сейчас, минутку, ван момент, — Стелла аккуратненько воткнула ноготок в невидимую прорезь сарафана и, как фокусница, извлекла оттуда квадратный целлофановый пакетик с сероватым порошком.

Обмен произошел мгновенно. Только в замедленной съемке можно было бы увидеть, как пакетик с героином попадает в ладонь Джеффа, где миг назад лежала десятидолларовая купюра. Ну а затем... Тут уже все видно и без кинокамеры: Стелла прячет деньги, Джефф из ящика извлекает шприц и ватку для процеживания, из крана льется водичка. Под ложкой вспыхивает огонек зажигалки. Сероватый порошок растворяется, раствор входит в шприц.

— Ты что, колешь в ногу? — спросила Стелла, видя, как Джефф, сидя в кресле, закатал штанину до колена и туго стянул шнурком голень.

— Да... После того раза Эстер проверяет мои руки... — он умолк, поскольку начиналась самая важная, самая волнующая часть этого священнодействия, значение и важность которого может понять только тот, кто сам так сидел с теплым шприцем в руке, выискивая на своем теле вену.

А Стелла, чтобы не искушать судьбу видом шприца и иголки, отошла. Достала из кармашка сарафана другой пакетик, с кокаином. Высыпала порошок на гладкую металлическую поверхность стола. Выровняла

полоску и приблизила к ней нос с неестественно расширенной левой ноздрей, поскольку пальцем была зажата ноздря правая.

Тишина... Тишина падения, в котором нет ни жен, ни детей, ни денег, ни работы, нет ничего... Есть только благодатное тепло, разливающееся по всему телу, мгновение обещанных звезд, и любви, и вечности, влекущей тебя потом в пучину отчаяния и боли...

— Боже мой, я так устала от всего этого! Если бы ты мог меня понять...
— Стелла подошла к Джеффу, сидевшему в кресле с блаженно прикрытыми глазами.

Худое, угловатое его лицо разгладилось, пятна на щеках и на лбу сошли, даже борода — и та, казалось, стала ровнее. Джефф погружался в кайф, находя сейчас полное примирение с собой и с жизнью. Он уже не помнил ни своих стенаний о загубленной жизни, ни брани, незаслуженно обращенной к Эстер и Мойше. Не помнил о своем треснувшем колоратурном сопрано, ни о ребенке, ни тем более о том, что завтра нужно прийти сюда пораньше — привезут бутылки с питьевой водой.

— Он меня просто извел, просто замучил, — продолжала Стелла жаловаться на Осипа, отлично зная, что Джефф ее не слушает. Ему сейчас хорошо. — Понимаешь, мне с ним очень трудно, я постоянно вынуждена играть какую-то роль. Когда я с ним, я не могу быть собой. И главное, я боюсь, что он узнает, кто я, какая я на самом деле...

Бросив взгляд опытной наркоманки на блаженствующего Джеффа, Стелла вытащила сигарету и защелкала зажигалкой, но огонек не вспыхивал.

— Вот ч-черт, не зажигается, — она говорила то на русском, то на английском, вовсе не заботясь о том, на каком языке следует ей говорить с ним.

Он понимал и так. Джефф был родной, знакомый, из падших, хоть он — еврей из Кентукки, а она — молдаванка с примесью цыганской крови из

Бессарабии. Какая, впрочем, разница, кто откуда, из какого городишки — кентуккийского или бессарабского? Важно, с кем тебе хорошо.

А Стелле, надо сказать, в последнее время намного лучше было находиться в компании с этим несчастным поваром, чем с тем блестящим ненормальным режиссером, которого она, по правде сказать, даже начала побаиваться.

Она видела зажигалку, оттягивающую карман рубашки Джеффа. Но, чуткая, не хотела обрывать ему кайф, это плавное падение в бездну.

Подошла к плите, повернула ручку, и после мелкого треска конфорка вспыхнула цветком. Таким голубым васильком. Или пионом, что когда-то росли во дворе возле их дома. Прикурив, вкусно затянулась, проглотив дым. Да, все люди разные: одному нужно уколоться и молча блаженствовать. А вот ей после кокаина нужно обязательно закурить и говорить.

Она расхаживала по кухне, зачем-то поднимала крышки кастрюль, переворачивала черпаки.

— Я ненавижу, ненавижу его и все его кино! Он хочет реально превратить меня в Кармен. Он, по-моему, забыл мое настоящее имя. Ты не представляешь себе, что он заставляет меня выделывать: ползать между острых камней с каким-то дурацким мешком в руках, еще и по колени в воде! Я должна часами сидеть якобы за швейной машинкой, до онемения в спине. Драться ножами! — с этими словами она сняла висящий на крючке длинный кухонный нож и принялась махать им перед собой.

Разгорячившись, метнула дикий взгляд на Джеффа. — А теперь он хочет, чтобы я научилась танцевать фламенко. Даже как-то раз повел меня в танцевальную студию.

Стелла уже находилась в коридорчике возле туалета. На стене там висело большое зеркало. Перед зеркалом Стелла выгнула спину и слегка подала вперед плечо. Завела назад напряженные руки...

— Та-та-ра-та... — сделала несколько резких взмахов. Да-да, так, именно так. Перед ее мысленным взором стояла сцена из «Эль Сида», где Софи Лорен исполняет фламенко. Великолепная, незабываемая сцена...

Кокаин работал отменно: ничто не могло перебить необычайную легкость, охватившую все естество Стеллы.

— Он заставляет меня часами слушать музыку Бизе! — говорила она, взяв со стола дуршлаг. — Меня уже бросает в дрожь от тех скрипок, от того «тай-та, тарай-та-та».

— Это из «Кармен», что ли? — тихо, словно проснувшись, спросил Джефф, заслышав знакомую мелодию.

— Да, из «Кармен», откуда же еще, — Стелла шла по центру зала, держа над головой дуршлаг, как шляпу. Вдруг покачнулась, в голове у нее что-то перемкнуло:

— А-а! — и полетела на пол. — Видишь, какие муки приходится терпеть, — пожаловалась она, вставая и поглаживая бедро. Сунула пальцы в прорезь скрытого карманчика сарафана и извлекла оттуда несколько целлофановых пакетиков с порошком, дабы убедиться, что они целы.

Джефф с жадностью взглянул на эти пакетики.

— Десять баксов за каждый, — промурлыкала Стелла, потрусив, как колокольцами, пакетиками над его головой...

— Я люблю, понимаешь, люблю его, люблю и боюсь. У меня никогда не было мужчин, вернее, я имела их столько, сколько зернышек в этих консервных банках с кукурузой. Но я не помню ни их лиц, ни имен... Я никого не любила, понимаешь, никого никогда не любила, даже своего бывшего мужа, от которого у меня ребенок... — она вытерла слезу. — Но этот черт хочет моей любви! И я тоже этого хочу. Я мучаюсь ужасной бессонницей. Прихожу на уборку и запираюсь в ванной, якобы там что-то мою, а на самом деле сажусь на тазики с грязным бельем, чтобы хоть чуточку поспать.

Она плюхнулась в кресло, снова закурила.

— Будто я не знаю, чем все закончится. Он мной попользуется, а потом бросит. Что тогда у меня останется в жизни? У меня же больше ничего нет, кроме этих съемок. Что вообще у меня было хорошего в жизни? В семье меня никогда не любили. Для родителей я была как мусор, они были помешаны на моем младшем брате Ромке.

Джеффри как будто внимательно слушал, но часто закрывал глаза, и зажженная сигарета выпадала из его пальцев.

За окнами уже серело. А в кухне было по-прежнему светло от ламп.

Но лампы не могли одолеть наползающую отовсюду тьму.

— Неужели ты ни разу ему не дала? — спросил он.

Согнувшись, Джефф поглаживал пальцем место от укола на ноге, где под волосками засохла струйка сбжавшей крови. Ему почему-то становилось жарко. Не так жарко, как должно быть от героина, а иначе, как-то нехорошо.

Ватки с кровью, шприц, ложка, покрытая нагаром, валялись на столе. Он подумал, что хорошо бы сейчас добавить обороты кондиционера, чтобы как-то сбить, приостановить льющийся в его грудь и голову жар.

— Дала пару раз. И жалею об этом. Веришь, мне легче трахнуться с кем угодно, за любые деньги, даже бесплатно, но только не с ним. И я ведь отлично знаю, что ничего у нас с ним не получится, это невозможно: кто я и кто он. А у него еще и жена, ребенок...

Стелла бросила на Джеффа тревожный взгляд. Что-то ей не понравилось в бледности его лица и губ. Еще полчаса назад его лицо даже румянилось.

— С тобой все о'кей? — спросила она.

На столе возле шприца валялись все десять пустых целлофановых пакетиков от героина.

— Душновато. Подкрути кондиционер, — попросил он. Ноги его отяжелели, стали как из ваты.

Став на кресло, она повернула до отказа пластмассовую ручку старого кондиционера. Мотор рывкнул, и загудело сильнее. Стелла подставила руки под струи, выходящие сквозь пластмассовую решетку.

— Теперь лучше. Сейчас остынешь, — спустилась вниз и, подойдя к столу, стала собирать «аксессуары». — Где здесь выбрасывают мусор?

— Там, — Джеффри даже пальцем не двинул.

В большой черный бак она выкинула окурки, а с пустыми пакетиками и шприцем ушла в туалет, и через минуту оттуда послышался плеск сливаемой в унитаз воды.

— Вот и хорошо.

Кокаин прекрасно развязывает женский язык. Особенно после длительного перерыва, а Стелла не употребляла наркотики с тех пор, как ушла из секс-бизнеса. Ей хотелось продолжать жаловаться на свою несчастную жизнь, на страх, что Осип ее бросит, на ненависть к себе, лютую ненависть, которую она испытывает за то, что причиняет Осипу боль, на одиночество и боязнь скорой смерти... Она даже подумывала, не открыть ли Джеффу самую главную, самую страшную тайну — уже пять лет как она больна СПИДом, заразившись через иглу. И одного этого более чем достаточно, чтобы уйти и оставить Осипа в покое.

— Я никогда не смогу... — начала было она, отряхивая на ходу руки. — Эй, что с тобой? — подбежав, присела на корточки возле Джеффа, сползшего с кресла на пол.

— Эй! Эй! — она хлопала его по щекам — сильно, наотмашь.

Голова Джеффри дергалась то в одну, то в другую сторону. Он вроде бы чуть шевельнул губами и попытался приоткрыть глаза.

— Эй, очнись! Wake up! — повторяла она то на русском, то на английском, не переставая хлестать его по щекам.

Сильно потянула за рубашку, оторвав несколько пуговиц. Стала давить руками его волосатую тощую грудь:

— Эй! Эй!..

...Ровно через двадцать пять минут, после того как Стелла, вытащив из его кармана мобильник, нашла номер Эстер и, прикрыв микрофон ладонью, сказала не своим, грубым голосом: «Он в иешиве, быстрее сюда» и исчезла, так вот, точно так же над Джеффом теперь сидела Эстер и с истеричными криками била мужа по остывающим щекам и уже почти бездыханной груди.

С грохотом по лестнице в кухню иешивы спустились два полицейских Sea Gate. Они прижимали руки к пистолетам в расстегнутых кобурах и несли баллончики с кислородом.

Героин, как известно, замедляет циркуляцию крови и приостанавливает работу легких, они перестают наполняться воздухом и не обогащают кровь кислородом, а при героиновом «переборе» постепенно сжимаются и в конечной фазе свертываются, как два резиновых мешочка. И тогда наступает смерть.

Все эти фазы оттока крови и прекращения работы легких можно было наблюдать, глядя, как умирает Джефф. Правда, полиция подоспела уже к последней фазе, когда его лицо стало совершенно гипсовым, а губы — серыми, с сиреневым оттенком по краям. Несколько часов назад в ожидании героина напоминавший разъяренного льва, он теперь безжизненным червяком лежал на полу, у ножки кресла.

Копы надели ему на лицо кислородную маску, соединенную с баллончиком. Один коп сообщил в запищавшую рацию:

— Иешива в Sea Gate. Похоже на героиновый овердоз. Срочно машину!

Эстер в ужасе кусала кулачки, едва ли не засовывая их себе в рот.

Джеффри не шевелился. Глаза его оставались закрытыми, рубаха разорвана, штаны с подкатанной одной штаниной наполовину сползли.

— F-fuck!.. Он умирает, — сказал коп, щупая пульс на руке Джеффа.

— Поймал парень свой кайф... — отозвался другой, придерживая кислородную маску на лице лежащего.

В кухне иешивы уже находились несколько бородатых хасидов в черных лапсердаках и в шляпах. Они бросали беспокойные, недовольные взгляды то на Эстер, то на копов, пытающихся спасти этого непутевого еврея...

Глава 8

То лето выдалось дождливым. Используем же эту фразу как трамплин для прыжка в следующую главу, где мы видим Стеллу, выходящую из дверей своей скромной квартирki в Sea Gate, что на первом этаже. У наружной двери — низкое крыльцо, а к стене привинчен фонарь.

Фонарь с выключателем, Стелла может включать и выключать его, когда пожелает. Хозяин дома с редкой для домовладельца щедростью разрешил Стелле пользоваться этим фонарем бесплатно.

Фонарь приносит не только практическую, но и психологическую пользу. Создает для Стеллы иллюзию, что она не так одинока, что в ее квартире кто-то есть, что ее там ждут... Поэтому горит он круглые сутки, в любую погоду, и Стелла благодарна жизни за этот маленький подарок.

Надо сказать, что страх возвращения в пустую квартиру Стелла испытывала не всегда. Работая в эскорт-сервисе, она снимала квартиру с двумя подругами-проститутками — Дианой и Ирен. Там царил редкий бардак: повсюду валялась одежда, косметика, посуда, бутылки из-под пива и водки. Все усилия аккуратистки Стеллы держать квартиру хоть в каком-

то порядке неизменно проваливались, так же как проваливалась в забытьи и сама Стелла после загулов с клиентами.

Страх «пустого дома» она еще тогда не испытывала. Но жизнь изменилась, когда она близко сошлась с N., которого подцепила в баре.

Родители N., этого 45-летнего переростка, жили во Флориде, а он обитал в Нью-Йорке за их счет. Уверял и родителей, и Стеллу, что занят раскруткой некоего проекта по веб-дизайну. Но по сути не делал ни хрена, иным словом не назовешь, чем этот хрен занимался — шлялся по барам и ресторанам, раз в месяц спускал деньги в казино в «Атлантик-Сити» и целыми днями сидел за компьютером в «чат-рум».

Женские прелести Стеллы настолько потрясли этого парня, что он стал преследовать ее, назначал свидания в дорогих ресторанах, привозил к себе домой в Sea Gate, где снимал в одном доме целый этаж, и настойчиво просил Стеллу переехать к нему жить.

Стелла в своей чумной жизни девушки эскорт-сервиса еще не знала, вернее, не могла знать, что такое настоящее одиночество, печаль, грусть и прочие чувства, какими так богата жизнь даже самой обычной домработницы, и как убога якобы яркая жизнь нью-йоркских шлюх. Да, она претерпевала разного рода неприятности, скажем, избиения клиентов-извращенцев, хамство водителей лимузинов, оскорбления сутенеров, денежные обманы. Но все эти, так сказать, побочные эффекты, неизбежные неприятности, сопровождающие жизнь проституток, едва ли глубоко задевали душу Стеллы, к тому же постоянно одурманенную алкоголем и наркотиками.

В конце концов она согласилась на уговоры N. и, как говорится, «вышла из бизнеса», сообщив боссу эскорт-сервиса, очаровательному и в такой же степени бездушному Роберту, о своем решении. Очаровашка Роберт тогда посмотрел на нее понимающе. Положил руку ей на плечо — этот его излюбленный жест почему-то приводил Стеллу в сильное

замешательство и к полному параличу воли. Роберт предложил ей денег и полез в карман, где всегда лежала толстая пачка сотенных.

Стелла, однако, в тот раз преодолела робость и от денег отказалась. Посчитала, что жизнь с N. более спокойна, стабильна и обеспечена. Даже имеет свои перспективы, поскольку старички-родители N. не вечны, а у них во Флориде свой дом, страховые полисы, всякие там инвестиции, акции и деньги на банковских счетах. Чутье и опыт ей подсказывали, что N. крепко сидит на крючке, взят ею, как говорится, за жабры и так просто не соскочит.

Она была с ним очень осторожна и в то же время искусна в постели, предусмотрительна в быту, приврала про свой гепатит, и N. ничего не узнал о ее настоящей болезни.

Но, продолжая сравнение с рыбой (кстати, N. имел некоторое сходство с окунем, такую же, окуневую, заостренность лица и широкоротость), — так вот, окунь N. оказался помимо всего еще и большим простаком, признавшись своим родителям, что «вступил в отношения с одной русской дамой и имеет на ее счет очень серьезные намерения».

Родители спешным порядком приехали в Нью-Йорк. Старички хоть и были в очках и с прогрессирующими катарактами, все же не были слепы. Как Стелла ни старалась им понравиться, как скромно ни опускала ресницы, как ни клала прилежно руки к себе на колени во время семейного ленча, цели своей не достигла. Вернее, добилась результата, совершенно противоположного желаемому. Потом, анализируя причины провала, поняла, что была слишком ненатуральна. «Не Софи Лорен».

Ей помешал страх разоблачения. Забудь она на миг, кто перед нею и ради чего затеяно это семейное сборище, войди в свое привычное амплуа девушки из дорогого эскорт-сервиса, где она с манерами светской дамы обслуживала издателей журналов, топ-менеджеров и профессуру, словом, клиентов, по сравнению с которыми эти флоридские господа и их сынок —

мелочевка, дрянцо, все бы пошло как по маслу. Но необычность ситуации — смотрины! — вышибла ее из колеи.

Добродушные старички скоро укатили, наговорив Стелле на прощанье кучу комплиментов, а в следующем месяце на банковский счет N. от них не поступило ни цента. Приблизительно через три недели, а если уж быть точным, то через двадцать четыре дня, когда до уплаты денег за квартиру оставалось шесть дней, исчез и сам N. Он сначала вел с родителями телефонные переговоры, молил их выслать деньги, отменил поездку в «Атлантик-Сити», впал даже в легкую (а по его мнению, в тяжелейшую) депрессию.

Но родители потребовали от него «оставить эту ужасную русскую мадам, с ужимками официантки пивбара, которая не даст тебе закончить проект и вытянет из тебя все деньги». Зная своего сына, они оставались неумолимы. В итоге N. пришлось отправиться во Флориду «для серьезной беседы» с угрозами «не потерпеть такого неслыханного вмешательства в его личную жизнь».

Из Флориды он так и не вернулся. На звонки Стеллы не отвечал. Вскоре в их квартиру пожаловал мужчина в форме грузчика. Предъявив удостоверение личности и доверенность с печатями, упаковал вещи N. в чемоданы и сумки (Стелла ему помогала), погрузил их в вэн и, оставив копию списка взятых вещей, уехал.

Пережив очередной крутой поворот судьбы, Стелла все же захотела остаться в Sea Gate. Более того, вырвавшись из жизни девушки эскорт-сервиса, решила больше туда не возвращаться и начать новую жизнь.

Покинув хоромы, где она жила с N., сняла себе квартирку в доме неподалеку от иешивы. Перенесла туда оставшуюся после N. мебель и домашнюю утварь. Не имея толком ни полезной специальности, ни документов, ни знакомств в мире приличных людей, через бюро по трудоустройству нашла грошовую работу уборщицы квартир.

С таким вот жизненным багажом — лжи, обмана, с дочкой в Бессарабии, оставленной на попечение родителей, больная наркоманией и СПИДом — неунывающая Стелла встретила свой новый рассвет в Sea Gate, когда познакомилась с Осипом.

***

«...Мне страшно. Каждый новый день приближает меня к смерти. Каждый прожитый день укорачивает мою жизнь, делая старше и сильнее мою болезнь. Моя болезнь растет вместе со мной, и растет быстрее, чем я...

Я должна принимать таблетки. От них жуткие поносы, пересыхает кожа и редют волосы. Но таблетки необходимы, потому что болезнь прогрессирует. Каждая новая простуда валит меня в постель на неделю, как тяжелая ангина или грипп.

Я буду принимать таблетки. Буду ходить в госпиталь, регистрироваться, сдавать на анализы кровь, беседовать с врачом. Получать лекарства в аптеке. И не видеть, не замечать холодные, презрительные взгляды — взгляды судей, у которых для меня есть одно-единственное слово: блядь, больная СПИДом. Я буду принимать таблетки. Я хочу жить».

Стелла отхлебнула пиво из литровой бутылки. Она сидела на совершенно пустом пляже, подтянув под себя согнутые в коленях ноги, прикрытые длинной юбкой, из-под которой выглядывали босые ступни. Малиновая футболка издали выделялась на фоне бурого песка.

Весь день с утра моросил дождь, лишь ненадолго переставая. Небо чуточку прояснялось, сквозь тучи проглядывали узкие косые солнечные лучи. Но вскоре небо снова затягивалось серой паутиной, ветер налетал сильными порывами, трепал на обрывах кусты. И снова шел дождь.

На пляже в такую погоду, разумеется, делать совершенно нечего. Единственными живыми существами, кто мог видеть сидящую на песке

девушку, были чайки. Вжавшись в песок, птицы сидели поодаль, некоторые из них изредка срывались с мест и летели к воде искать рыбу.

Свинцовая океанская даль сливалась с убийственно унылым небом. Вдали едва был виден белый катер с заядлыми рыбаками или пьяными гуляками. «Дин-н... Дин-н...» — доносилось с океана, где на волнах в тумане раскачивался ржавый маяк. «Дин-н... Дин-н...»

«Нет, я не хочу слышать этот проклятый звук. Он переворачивает все мои больные кишки. Он напоминает мне начало оперы, балета, фильма «Кармен», которую я теперь ненавижу. Потому что я сама Кармен... Цыганка! В нашем городке когда-то жили родственники моего отца, но я их не застала. Они были цыганами. Еще в конце семидесятых они свалили в Румынию, оставив свой большой дом и все хозяйство. И я тоже, как они, уехала: сперва в угарную Одессу — учиться, а оттуда в Нью-Йорк, по рабочей визе. Бросила ненавистный Институт легкой промышленности (в Театральный поступать побоялась), бросила нелюбимого мужа, оставила ребенка... И пошла работать в стриптиз-клуб на Бродвее. Потому что я — Кармен, я свободна, как птица. Я свободнее этих чаек. И я должна жить».

Снова заморосил дождь. Ее загорелые руки стали покрываться мелкими каплями. Она зябко передернула плечами. Сыро, прохладно, ветрено. «Завтра я проснусь больной, с насморком и температурой. Ну и черт с ним!» Она подняла бутылку и сделала несколько больших глотков.

Поднявшись с подстилки, направилась к смотровой вышке спасателей. Ловко, в два приема, взобралась по деревянным перекладинам на небольшую площадку. Стала махать кому-то на корабле вдали.

— Эй! Эй! Сюда! Я zde-эсь... — шептала, вытирая слезы.

Ей вдруг пришло на ум, что хорошо бы взять напрокат джетски, напиться вдрабадан и в шторм на полном ходу, с бешеным ревом мотора врезаться в риф. Чтобы все разлетелось в щепки, в брызги, вдребезги!..

«Да, джетски, спасательный жилет и литр коньяка». Она словно увидела на экране этот кадр — сцену самоубийства и испугалась... «Это моя фантазия или мы действительно снимали с Осипом такое?» Попыталась припомнить и ответить на этот вопрос, показавшийся ей почему-то очень важным.

— Совсем с ума сошла... — села на мокрую скамеечку спасателей, уперев локти в колени и подперев руками подбородок.

«Я никого не заразила. Никого. Болезнь умрет вместе со мной. Во всяком случае, после того как я узнала, что больна, я не спала ни с одним мужчиной открыто, сколько бы мне ни предлагали... Может, сказать Осипу о моем СПИДе? Пусть узнает напоследок. Чтобы перестал мучиться и легче смог меня забыть. Он и так из-за своей любви почти свихнулся. Вошел в роль солдата Хосе...»

Она вдруг увидела себя в воде, у самого берега: в длинном красном платье, с пучком жасмина в волосах и ножом в спине. Нет, лучше в груди. Волны колышут ее бездыханное тело, змеятся волосы, цвет красного платья смешивается с цветом крови из раны... Осип... Где Осип? Ах, вот он, молится на коленях у камней, кается, что совершил это убийство. Холодно, сыро, жуткая ночь. А там, с обрыва, уже прыгают полицейские с пистолетами его арестовывать, фары полицейских машин ярким светом заливают пустой пляж...

Стелла усмехнулась. Порыв ветра налетел, но ее мокрые волосы отяжелели и не поддались. Все сильнее ее пробирала дрожь. Поежившись, подошла к краю вышки.

«Мама мне всегда говорила: “Ты — как кошка, которую, как ни швырни, все равно упадет на лапы, цела и невредима”. Да, я кошка, хоть и потрепанная и больная...»

— О-оп-ля! — оттолкнувшись от края, Стелла прыгнула вниз. Умышленно не удержав равновесие, упала на песок.

Лежала на мокром холодном песке, на боку, вытянув руки перед собой. Чесались руки, шея, песок попал даже ей в рот и поскрипывал на зубах. Стелла смотрела в непроглядную даль, которая мутилась из-за слез.

Слушала океанский рев, шлепки разбивающихся о берег волн, крики потревоженных чаек, «дин-н... дин-н...» ржавого маяка в тумане. И не видать ничего в той безвестной свинцовой дали — ни лодочки, ни паруса...

К подстилке подступили нахальные чайки, ходили кругами, не отваживаясь заскочить на саму подстилку.

Стелла этого не видела... Он была далеко — в трюме океанского лайнера. Одета в черное шелковое платье с глубоким вырезом и в тяжелом коралловом ожерелье. Звучала музыка, в окошко ударялись волны. Туфли уже можно снять, к ночи устали ноги, все равно никто тебя не видит. Стелла раскладывает ромашкой на столике таблетки, затем высыпает из пакетиков порошок, выстраивая ровными полосками и чередуя героин с кокаином. Рядом — хрустальная рюмка и бутылка водки. Она сначала вынюхает наркоту, потом зажрет таблетками и для верности зальет все водярой. Она протащится в последний раз в жизни, а потом выключит свет, ляжет на кровать и будет ждать смерти. Нет, она опередит смерть. Не будет ждать, когда ее тело рассохнется и в кровавых язвах развалится на куски в каком-нибудь дешевом хосписе.

— Кыш! Кыш! — махнула рукой, отогнав чаек, которые уже нагло ходили по подстилке и перевернули бутылку.

Вся измазанная, выпачканная в песке и грязи Стелла на четвереньках подползла к подстилке. Схватив бутылку, стала жадно пить. Пиво лилось изо рта, стекало ручейками по подбородку на футболку.

— Все, все. Все.

Поднялась:

— Дашенька, доня моя, моя любя. Я обещаю тебе — я буду жить. Жить во что бы то ни стало. А они — пусть себе умирают от овердоза,

пусть сходят с ума. Мне дела нет. Скоро я вышлю вам денег, очень много денег. Ты ни в чем не будешь нуждаться. Ты будешь счастлива. Наверное, тебе трудно там жить с бабушкой и дедушкой. Я сделаю все, чтобы забрать тебя к себе, в Нью-Йорк. Ты здесь окончишь школу и пойдешь учиться в колледж, в самый престижный колледж Америки, на адвоката или врача...

Вытерев слезы, она отряхнула подстилку, сложила ее в сумку. Взяла в руки шлепанцы.

— Отличная сцена! Bravo! Брависсимо! — раздался неподалеку за спиной знакомый мужской голос, и Стелла от неожиданности вздрогнула.

***

Они приближались к ее дому. Высокий, элегантно одетый мужчина нес раскрытый зонт. Стелла держала мужчину под руку.

— Это твоя новая машина? — спросила, указывая на серебристый «Ягуар», припаркованный возле ее дома.

— Да, недавно купил, — ответил он. — Не знаю, правда, долго ли буду на ней ездить. Ты же знаешь, мне машины очень быстро надоедают.

Вытянув вперед руку и убедившись, что дождь закончился, мужчина сложил зонт:

— Значит, дорогая, хочешь вернуться обратно в бизнес? Никогда не сомневался в том, что ты умная девочка и очень любишь деньги.

Стелла вся сжалась. Пристально взглянула мужчине в лицо. Подумала, что по этим мертвым глазам сутенера хорошо бы полоснуть бритвой. Или выцарапать их когтями. Но, расхохотавшись, промолвила:

— Я еще не решила окончательно. Я тебе позвонила просто так. Хотела узнать, как поживает мой старый приятель Роберт.

Мужчина тоже улыбнулся, но лицо его оставалось серьезным:

— Признаюсь, мой бизнес сейчас переживает не лучшие времена. Но тебе, в знак нашей давней дружбы, я готов платить по самым высоким расценкам.

Глава 9

— Безобр-разие! Настоящее безобр-разие! — Осип ходил по комнате, сопя часто и глубоко.

Будучи, как говорится, в состоянии аффекта, он раскатывал «р-р», и этот рык совершенно не вязался с его утонченным лицом и пухлыми, едва ли не женственными губами. Вместе с душевным равновесием Осип обычно терял и внешнюю благопристойность: ноздри тощего носа раздувались, редковатые волосы вздыбливались, словно после бури. Мгновенная метаморфоза по превращению возвышенного питерского интеллигента в карикатурного местечкового персонажа из рассказов Шолом-Алейхема или Башевиса Зингера была до того забавна, что Тоне иной раз приходилось сдерживать улыбку.

— Чер-рт знает что! — он метнул взгляд на Арсения, стоявшего в углу с виновато опущенной головой, и на Тоню, сидевшую за столом с озадаченным выражением лица.

Тоня крутила в пальцах свою любимую «невскую сушку» с маком, не решаясь откусить, чтобы не вызвать у мужа новую вспышку ярости.

Засопев, он развернулся и широким шагом вышел из квартиры, оставив все же дверь открытой, — хлопнуть дверью считал пошлым киноштампом.

Прошел по зеленому дворику, где повсюду валялись Арсюшины игрушки. Нашел то, что хотел, — большой пластмассовый корабль. Подхватив с земли корабль и убедившись в его полной боевой готовности — мачты и пушки на месте, дверца в трюм открывается, — поднял его

перед собой на вытянутой руке. Прищурился одним глазом, сделал медленное движение, словно пустил корабль по воздуху в плавание.

Затем постучал в одну из наружных дверей, где у крыльца стоял круглый закопченный мангал на треножнике.

— Кто там? — раздался голос Эстер.

— Это я. Осип. Сосед.

— Входи.

— Понимаешь, Эстер. Я очень извиняюсь... Я его наказал. Я до того растерян, просто не знаю, как такое могло случиться, — мямлил он, стоя перед Эстер, как провинившийся школьник в кабинете директора.

Эстер сидела на канапе, в длинной черной юбке и черной блузке; черная шляпка на ее круглой голове полностью скрывала волосы.

На столе лежали коробки с выпечкой, стояли бутылки пепси-колы. И цветная фотография Джеффри в черной рамочке. В шляпе, сдвинутой на затылок, в рубашке с расстегнутым воротом, Джефф счастливо улыбался. Весь его образ излучал легкость, светился свободой и беззаботностью.

Последнее время, входя в эту квартиру, Осип всякий раз останавливался взглянуть на эту фотографию, отмечая поразительную способность объектива схватывать то, чего глаз человеческий уловить не может. Всевидящее, всепроникающее око светосильного объектива, способное дать такую пластику изображения!

Осип сделал этот снимок недели три назад, когда они с Джеффом сидели во дворике, пили водку и болтали о всяком разном, перемежая разговор о политике с комментариями относительно хитов «Роллинг Стоунз». Джефф напевал песни этой группы. В какой-то момент, от нечего делать, Осип направил на него объектив фотоаппарата. Как оказалось, это был последний снимок Джеффри при жизни — на редкость удачный, словно Джефф решил остаться в памяти людей, его знавших, именно таким — счастливым и элегантным, влюбленным в этот мир...

— Да, я все понимаю, — отвечала Эстер, шмыгнув носом. — Извини, Джозеф, но ведь ты еврей. Как же ты мог так воспитать своего сына? А он у тебя еще и с крестом...

Осип ничего не ответил.

Из другой комнаты вышел Мойше. На нем была белая, в этот раз совершенно чистая рубашечка и новые штанишки. За лето и без того темный Мойше вовсе почернел, обуглился на солнце — настоящий правнук индейца. Но с пейсами. Завидев Осипа, он недоуменно раскрыл рот и часто заморгал.

— Иди сюда, мой родной, — Эстер поправила на голове подошедшего Мойше ермолку и, видя, что сын не хочет уходить, посадила его на свои широкие бедра. — Все будет нормально, мой хороший, не переживай. Мы останемся в Sea Gate. Ребе поговорил с хозяином дома, мы можем не платить за квартиру целых три месяца, пока я не начну работать. Или ты хочешь вернуться в Денвер? Скучаешь по сестре? Я тоже скучаю по Пэм. Но она сюда к нам ехать не хочет. А у твоего папочки там новая герлфренд...

Она гладила сына, а Мойше замороженно смотрел на Осипа, вернее, на чудный корабль в его руках. Черный флаг с черепом и костями, пушки в амбразурах, пираты в трюме.

— Родители Джеффа, эти сраные профессора, так и не приехали из своего Кентукки на похороны, — сказала Эстер.

Она уже не выглядела убитой горем, как несколько дней назад. Первые дни траура — Шивы — миновали, унося шок от внезапной смерти мужа. Теперь Эстер даже иногда улыбалась, хотя еще легко пускала слезу. Она была не удручена, а скорее растеряна, не знала, как приспособиться к новой ситуации, к своему положению вдовы.

— Да... Печально... Так доподлинно и неизвестно, отчего он умер? — спросил Осип, присаживаясь на стул, и тут же мысленно укорил себя за этот вопрос.

О причине смерти Джеффри было известно всем в Sea Gate, кого это интересовало. Но, дабы не бросать тень на умершего и скрывая свой стыд, Эстер говорила всем о якобы обширном инфаркте. И эта ложь приносила в траур оттенок фарса. Как, впрочем, не вязалось и слово «смерть» с фотографией в черной рамочке влюбленного в жизнь симпатяги Джеффа.

— Кто же будет долго разбираться в смерти обычного наркомана? — сказала она без обиняков. Видимо, ложь уже тяготила ее саму. — Это ведь не убийство, а обычный наркотический передоз. Копы осмотрели иешиву, правда, не нашли там ни шприцев, ни пакетов от наркотиков. Составили протокол. На этом следствие и закончилось. Сегодня получила из морга бумагу с результатами экспертизы. У него кроме героина в крови обнаружили и барбитураты и еще какую-то дрянь, не помню названия, — она кивнула в сторону трюмо с завешенным простыней зеркалом, где лежали распечатанные конверты. — Я, конечно, догадываюсь, кто ему помог уйти на тот свет, — с некоторой осторожностью и не без любопытства Эстер посмотрела на Осипа. — Я проверила его мобильник, кому он звонил в тот день. Знаешь, кому он сделал свои последние звонки?

— Кому? — спросил он тихо.

— Ты же сам знаешь, зачем притворяешься? Он, правда, изменил ее имя, в мобильнике она названа Friend. Хороший друг, преданный! Я знаю, что они встречались несколько раз, мне студенты иешивы докладывали. А накануне его смерти из моего кошелька пропали пятьдесят долларов... Ах, я же видела, что с ним в последнее время творится что-то неладное. Видела и не уберегла! — она вытерла набежавшие слезы, но быстро овладела собой. — Теперь телефон «друга» отключен. Я заходила к ней несколько раз домой, хотела плюнуть ей в бесстыжие глаза, но она не открыла дверь.

Шлюха! Сколько из-за нее бед! — метнув злой взгляд на Осипа, Эстер покрепче прижала Мойше к себе.

— Я тут корабль принес... — промолвил Осип.

Досадуя, но и радуясь в душе, что прямых улик против Стеллы нет, Осип сделал шаг, протягивая Мойше корабль.

— Я поговорил с Арсением, наказал его. Он больше не будет тебя бить и обзывать не будет, — пообещал он Мойше неестественно слащавым, сюсюкающим тоном.

В дверь постучали.

— Кто там?

В квартиру вошли два молодых хасида лет двадцати пяти, с вьющимися пейсами из-под меховых шляп, в атласных новых халатах. Читать Кадиш по умершему.

В комнате стояла невысокая кафедра под черной накидкой. Пришедшие перебрались несколькими словами с Эстер, перемежая английский язык специфическими словами из иврита. До уха Осипа долетали обрывки непонятных ивритских слов с их глубокими гортанными и мягкими шипящими: «вааш-ев», «авраг-хам».

Пока один зажигал свечку, другой положил на кафедру перед собой молитвенник, стал искать нужную страницу. Все это они проделывали с напускной деловитостью, словно желая показать, что чья-то смерть для них привычна, что имеют уже достаточно опыта в отправлении соответствующего обряда.

— Бери, он твой. Бери же! — присев на корточки, Осип тем временем протянул Мойше корабль. Заодно пригляделся, нет ли на лице ребенка синяков или свежих царапин.

Мальчик смотрел на него, не зная, как поступить.

— А пошли к нам на часок, а? — предложил Осип вдруг.

Страшная мысль неожиданно поразила его: этот несчастный Мойше, грязнуля и недотепа, в тайниках еврейской души Осипу очень близок и дорог. Не менее дорог, чем его родной Арсений...

Мойше тоже ощутил сейчас что-то необычное. По природе чрезвычайно чуткий, мальчик уловил какое-то сильное движение души мистера Джозефа, сидящего перед ним на корточках. Мойше улыбнулся, и все его последние горести и страхи разом смыло чистой волной с его сердца. Он едва не закричал, захотел броситься Осипу на шею...

— Ну-ка, иди сюда, — Осип подхватил Мойше под мышки. — Ого, какой тяжелый.

***

— При свете свечи он изучал карту, лежащую на дубовом столе. На картоне от времени поблекли цвета, в некоторых местах краска осыпалась, было трудно различить очертания острова. Линии параллелей и меридианов пересекали его, и красным пунктиром прорезала линия тропика Рака. Вдруг раздались три удара клюва в дверь, и Розенблатт тяжело поднялся...

— А этот Тропический Рак щиплет, как и крабы? — спросил Мойше. Он сидел с босыми ногами на стуле, ложкой из чашки вычерпывая мороженое.

Близился вечер, сквозь листья деревьев в саду еще пробивались солнечные лучи. На заборе красногрудая птица набиралась смелости слететь на траву, где валялось раздавленное печенье. Было так душно, что тела Осипа и Арсения, раздетых по пояс, покрылись липкой испариной. Мойше был в рубашке, отчего мучился духотой еще больше.

— Тропический Рак?.. М-м... нет, не кусается. Это не живой рак, а параллель. Как бы тебе объяснить?.. — Осип на миг умолк, посчитав, что залез не в те дебри. — «А-а, это ты, Ицик! — воскликнул Розенблатт

влетевшему в комнату попугаю. — Какие новости, старина?» Попугай Ицик жил на свете тысячу лет, много знал, много видел, говорил на многих языках, включая иврит, английский и русский. «Я узнал, где спрятана вторая половина карты!» — наклонившись к самому уху Розенблатта, Ицик что-то прошептал. И вскоре старый пират шел по улицам ночного города к гавани.

Солдаты в будке охраняли вход на причал. Храбрый Ицик влетел в сторожевую будку, и пока Розенблатт поднимал якорь и отшвартовывал корабль, Ицик летал и клевал солдат. Завидев, что один корабль уходит в море, солдаты кинулись к пушкам и стали по нему стрелять, но ядра падали в волны, не долетая. Лишь одно ядро прорвало парус, и Розенблатту потом пришлось его зашивать...

— А флаг там был? — снова спросил Мойше, с раскрытым ртом слушавший эту историю.

— А как же! Обыкновенный пиратский флаг — череп и кости, такой же, как и на твоём корабле, — Осип указал на лежащий возле ребенка на столе корабль. — Но перед тем как отправиться на остров за сокровищами, Розенблатту нужно было освободить своих друзей. Друзья-пираты томились в темном подвале, где ползали тарантулы и скорпионы, — тут глаза бедного Мойше округлились, и Осип про себя отметил, что про насекомых достаточно. — И вот после долгих странствий корабль причалил к берегу, где возвышалась тюремная башня.

— А там — сторож спит, и попугай Ицик у него вытащит ключи от подвала! — забежал вперед Арсюша, уже слышавший эту историю.

— Да, сторож... — Осип бросил на сына недобрый взгляд.

Арсюша понял, что сморозил что-то не то, и виновато опустил голову. День, надо сказать, у Арсюши выдался вообще несчастливый: и в углу пришлось постоять, и корабль у него отняли и подарили Мойше.

Время от времени он косился на корабль. Мысль о пластиковых пиратах, которых он с таким трудом засунул в трюм накануне, заставляла Арсюшино сердце горестно сжиматься. С кораблем было покончено, он утрачен для Арсюши безвозвратно, и, будучи смышленным мальчиком, он это хорошо понимал. Но на возвращение пиратов все же надежды питал и собирался попозже обговорить этот щекотливый вопрос с мамой или напрямую с Мойше.

— «Тревога! Все сюда!» — закричал сторож, проснувшись и не обнаружив ключей от темницы. Охранники ринулись по винтовой лестнице вниз, но Розенблатт перед этим погасил все факелы в башне. Солдаты попадали со ступенек, набили кучу синяков, а освобожденные друзья-пираты сели на корабль и направились напрямик к астроному Вольдемару, у которого была вторая половинка карты...

Духота уже становилась невыносимой, все сильнее кусали комары. Далеко в потухающем небе сверкнула тонкая голубенькая молния.

— Похоже, сейчас начнется дождь. Окончание расскажу в другой раз. Всё, пацаны, из бухты вон, по домам! — отдал Осип команду.

Мойше послушно поставил на стол чашку с мороженым. Слез со стула и, подойдя к Осипу, крепко взял его за руку, потянул к себе:

— Идем к нам. Остаься у нас. Живи с нами...

***

Была долгая воробьиная ночь: небо озарялось зигзагообразными молниями, прорезавшими тучи. Погромыхивал гром, приближаясь откуда-то издали, каждым новым ударом угрожая разразиться чудовищной грозой, со шквальным ветром, ливнем, поваленными деревьями. Гроза, однако, все не начиналась, небо не проливало ни слезинки, лишь давило своей тяжестью, спрессовывая еще сильнее влажный горячий воздух.

Перепуганные, из-под колес стоящих машин выпрыгивали и прятались в новых местах бездомные кошки. На асфальтовых площадках перед входами в дома и на парковочных дорожках, освещенные фонарями, валялись мертвые цикады и пчелы. Порывы ветра раскачивали ветви деревьев, производя сильный шум...

Если для Эстер и для Арсюши у Осипа еще находились слова понимания, то Тоня для него словно пропала. Он не видел и не слышал ее вовсе. Исчезла Тоня, хоть и сидела сейчас напротив него на стуле, с пилочкой для ногтей. Пилочка ей была нужна, чтоб скрыть волнение.

— Я понимаю, все это неприятно, некрасиво и стыдно. Но ты даже с ним не поговорил. Арсюша уверяет, что не бил Мойше и не называл его... жидом, — преодолев неловкость, Тоня заставила себя произнести мерзкое для нее слово. — Во всем виноват Томас, это он бил. Арсюша стоял рядом. Он даже пробовал их разнять... — сказала она, приврав, впрочем, последнее. — Я запретила ему дружить с Томасом.

— Да-да, твой Арсюша ни в чем не виноват. Он невинный ягненок, почти святой. Бросили Мойше на землю и били его ногами. И кричали: «Сумасшедший жидок!» А твой Арсюша тут ни при чем.

— Почему мой? Он — наш, понимаешь, наш, — твердо произнесла Тоня, и пилочка в ее руке сделала резкое движение полукругом по ногтю.

Твердая, волевая, всегда непреклонная Тоня сейчас говорила с мольбой в голосе.

Осип в какой-то миг словно очнулся. Увидел наконец: перед ним сидит его жена, с которой они прожили двенадцать лет. В соседней комнате спит его сын. Да, случилась неприятность — сын с другом оскорбили и избili соседского мальчика. Случай пусть и незаурядный, все же не трагедия. С ребенком нужно поговорить, объяснить ему, что драться нельзя, обижать слабых тоже нельзя. Ну и, разумеется, в доступных словах рассказать, кто

такие евреи, христиане и прочие. Дабы вырос Арсюша хорошим мальчиком. Не жлобом. Не антисемитом. Не записным погромщиком.

Сверху, на втором этаже, жила шумная семья хасидов в четырех поколениях. Сейчас там пели веселые песни на идиш и иврите, разливали вино, ели халу, танцевали. Поскольку был Шаббат, а в Шаббат — пусть даже и душно, и молнии сверкают, и гром гремит, и дохнет саранча, пусть хоть потоп! — еврей должен радоваться. Такова воля Всевышнего, Он хочет видеть Свой народ с пятницы на субботу веселым.

А в другой квартире в этом доме лежит в своей кровати Эстер и думает, как ей теперь жить.

То ли духота, то ли топанье над головой под раскаты грома, то ли вид осунувшейся и какой-то потерянной Тони злят Осипа; неведомая сила снова утягивает его куда-то.

— Всею виной твое христианство — кресты, иконы, весь этот кондовый монастырь, насквозь пропитанный русским национализмом! Чего стоит один этот чудовищный «Закон Божий», — он кивнул в сторону лежащей на столе толстой книги в мягком сером переплете.

Это был «Закон Божий» в изложении какого-то протоиерея Евтихия Чумкина.

— Пожалуйста, не читай больше моему сыну этот антисемитский сборник, где о евреях, кроме того, что они жадные, хитрые и глупые, больше ничего не говорится, — продолжал Осип. — Это не изложение «Закона Божьего», а проповедь антисемитизма для быдла. Я не православный, и не мое это дело. Но на месте истинных православных я бы этого иерея Чумкина и ему подобных — ремнем, по одному месту... — Осип потряс поднятым кулаком.

— Я согласна, это не самый лучший вариант толкования Библии, я куплю другой.

— Конечно, я сам виноват, что не занимаюсь Арсением. Не объяснил ему, что он еврей и если кого должны называть «сумасшедшим жидком», то в первую очередь, его самого.

Тоня хотела возразить, но он не дал ей и слова молвить.

— Ты этого не знаешь и никогда не поймешь. Ты ведь — р-русская. А я — жид, понимаешь, я пархатый жид. Ты не знаешь, что это такое, когда одноклассники на твоей школьной парте красным фломастером пишут «жидок» или когда в институте декан говорит тебе: «Твоя родина не Россия, а Израилровка!», или в армии, когда тебя избивают, якобы мстя за распятого Христа. А-а, что говорить!.. Ты постоянно упрекаешь меня за то, что я не люблю Арсения. Значит, так: завтра я беру Арсения и иду с ним в синагогу, поняла? И сдам его в иешиву. Я не шучу... Вот твоей мамаше-антисемитке в Питере будет сюрприз, когда узнает, что внучок отпустил пейсы! Ха-ха-ха!

Тоня молчала. Все давние обиды, семейные склоки с их родителями, которые, казалось, уже забыты, всплывали с прежней силой.

— Да, да... Все думаю про Джеффа... — Осип заговорил вдруг тихо, устремив взгляд куда-то к потолку. — Самое ужасное заключается не в том, что я однажды не одолжил ему пятьдесят баксов. Это — ерунда, он все равно бы нашел деньги на наркотики. Но я всегда отказывался, когда он хотел надеть на меня тфилин. Сколько раз Джефф просил: «Идем, Жозеф, я надену на тебя тфилин. У меня ведь в этом мире ничего нет: сын не мой, жена была замужем за другим, специальности у меня никакой, родители от меня отказались. Но я хочу тебе сделать хоть что-то хорошее. Я вообще хочу сделать в этой жизни что-то полезное. Если я надену на тебя тфилин, ты соединишься с Богом. И это будет моя благодарность тебе». А я, дубина, отказывал. А-ах!.. Помню, когда я был в Израиле... — и Осип начал рассказывать о своей поездке в Израиль к родным. — В музее Яд Вашем есть зал в виде темного гранитного лабиринта. Идешь по нему, а чьи-то

детские голоса в это время произносят имена детей, убитых в душегубках и крематориях. Звучат детские голоса, в зеркалах отражаются горящие свечи. Каждая свечка — в память о загубленном ребенке. Сотни, тысячи свечей. Так страшно, что мороз по коже... Ты в то время была беременна, и я, помню, шел по этому темному коридору и представил себе на миг, что моего будущего сына тоже могли бы так...

Махнув рукой, поднялся. Стянул футболку, снял шорты, брякнув металлическими пряжками, и направился к кровати.

Тоня смотрела на него: его худая спина, чуть приподнятые кверху плечи, далеко выступающие лопатки. У Арсюши — отцовская осанка. И вообще, сын — в отца.

И очень ей тяжело. Но, несмотря на все безумства, которые творит Осип: на измену с этой отвратительной Стеллой, на то, что они не живут больше как муж и жена, что ей стыдно и больно, — несмотря на все это, он по-прежнему волнует ее. И она хочет быть с ним.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? Забрала ребенка и ушла? — спросила она тихо.

— Выключи свет. Я хочу спать.

Щелкнул выключатель, и в комнате стало почти темно, если не считать бликов от цветной змейки, что бегала по монитору компьютера.

Тоня придвинула стул, смотрела в компьютере какие-то веб-сайты. На самом же деле вспоминала...

Впервые встретив Осипа на даче у подруги, она сразу расторгла помолвку со своим женихом — преуспевающим адвокатом. Ее родители не были от Осипа в восторге, особенно мама. Но Тоня поступила наперекор всем. Ей казалось непонятным, просто непостижимым, как можно такого Осипа не любить? За все двенадцать лет замужества она ни разу не пожалела о своем выборе. Осип — такая же часть ее, как и Арсюша, они — ее мир, ее жизнь. Да, он долго и трудно искал себя. И сейчас, когда наконец

все наладилось, когда он стал заниматься любимым делом — снимать кино, когда, казалось бы, самое время радоваться жизни, все летит вверх тормашками. Неужели это крах семьи, крах всех ее надежд?.. А что будет с Арсением? Как он воспримет семейный разрыв?

Тоня отхлебывала остывший чай. Было что-то механическое, неживое, от куклы в ее движениях, позе, лице, застывшем, без всякого выражения, освещенном слабым светом люминесцирующего экрана...

Глава 10

Стелла пряталась за каждым кустом, за каждым столбом, мелькала в машинах и метро. Она исчезла из Sea Gate как будто специально для того, чтобы возникать в каждом уголке многомиллионного города.

Фонарь в ее доме горел круглые сутки только в первую неделю после ее исчезновения, но потом чья-то бережливая рука стала выключать его, и Осип, появляясь на ее крыльце перед закрытой дверью, с непонятным упорством снова нажимал кнопку выключателя, словно подавал сигнал мольбы: вернись, я жду...

Ему мерещился ее мелькнувший сарафан за шлагбаумом у въезда в Sea Gate. Ее голова с подобранными сверху волосами плыла порой далеко за буйками, почти у самого фарватера. Осип нырял и плыл туда, к ней, не обращая внимания на свистки разгневанных спасателей, пока Стелла-русалка вдруг не исчезала в пене волн...

Но чаще всего она появлялась в «Мандарине»...

Относительно недавно построенный отель находился в самой гуще бродвейских театров, престижных бутиков и ювелирных магазинов. Бросив вызов аристократической старушке «Астории», юный толстосум «Мандарин» быстро стал местом самой безумной траты денег.

Круглые сутки к зданию отеля подкатывали лимузины и «Мерседесы», там постоянно крутились журналисты и разного рода поклонники, в надежде взять интервью или получить автограф знаменитости.

Для неофициальных встреч в отеле появлялись и политики разного ранга, вплоть до экс-президентов и Самого — нынешнего хозяина Белого дома.

За несколько часов до приезда мистера президента возле «Мандарина» появлялись черные машины с вашингтонскими номерами. Крепкие, аккуратно стриженные молодцы с крохотными наушниками блокировали один из подъездов к отелю. По мере приближения президентского кортежа их активность возрастала, также повсюду шныряли ребята из внутренней вооруженной охраны отеля. Снаружи все успокаивалось только после того, как черный бронированный «Кадиллак» весом три тонны и стоимостью три миллиона долларов, шелестя шинами по бетонному покрытию, таинственно въезжал в громадный подземный гараж, тоже набитый охранниками.

Как знать, как знать, где подчас решаются глобальные вопросы политики и экономики — в Белом доме или в таких вот «Мандаринах»?..

Впрочем, президенты США, бывшие и нынешний, в «Мандарине» появлялись реже девочек легкого поведения. Реже, гораздо реже.

Девушки жужжали вокруг отеля, как осы, привлекаемые долларовым медом. Эти прекрасные осы со сладким ядом в жалах слетались туда со всех концов Нью-Йорка и из других штатов. Красавицы в коротких юбках, футболочках, с татуировками на лодыжках вылетали из машин с пенсильванскими, массачусетскими, даже флоридскими номерами. Надев туфли на высоких каблуках, облизнув губы, устремлялись к дверям отеля, где швейцары услужливо отворяли им двери, засовывая в свои карманы полученные щедрые чаевые.

Девушек доставляли и в лимузинах разные фирмы по секс-услугам. В салонах лимузинов с затемненными боковыми стеклами звучала приятная

музыка, девушкам там был предоставлен широкий выбор горячительных напитков. Кокаин для клиентов лежал в дамских сумочках вместе с презервативами и косметичками. Дверцы машин открывались, и стаи обморозительных ос, раскованных после принятого алкоголя и наркотиков, с жужжанием и хохотом летели в отель...

Стелла мелькала в «Мандарине» на всех этажах. Выходила из лимузинов, приезжала сюда из других штатов, посещала гостиничные бары...

***

Осип уже не снимал на камеру и не фотографировал. Больше ничто не привлекало внимание художника, и ничто не интересовало его.

Увы, не уберег его и иудаизм. Великий и всемогущий Господь, казалось, протянул руку спасения еще одному еврею Своего дома: «Иди ко Мне, заблудший сын Мой. Войди в синагогу и разверни свиток мудрости Моей. Тогда ты узришь горние обиталища и обретешь землю обетования Моего...»

Однако непостоянен и неразумен человек, многие бури и шторма бушуют в его сердце...

Как и грозился, Осип действительно несколько раз сходил в синагогу и Арсения взял с собой. Попытался сам припасть к истокам веры и обратить сына в иудея. Облачившись в талес и в ермолку, угрюмо листал молитвенник.

Заглянул и в ту иешиву, где недавно работал Джеффри. Охотно согласился, чтобы там на него надели тфилин и прочитали молитву. Вежливо поблагодарил за приглашение приходить туда каждый день до первой звезды и надевать тфилин, чтобы, как гласит традиция, установить контакт с Богом. Пообещал приходить. Но больше так и не пришел.

Потом наступил сентябрь, начались занятия в школе. Тоня сложила вещи и, забрав убитого горем Арсюшу, вернулась в квартиру в Бруклине.

А Осип остался один в Sea Gate.

Разъехались, значит. Развалилась семья...

***

Последующие месяцы его все сильнее одолевало отчаянье. Он чувствовал себя страшно виноватым перед Тоней, знал, что семья разрушилась из-за него.

Порой ему казалось, что всему виной – кино: если бы не искусство, все бы в его жизни сложилось как «у нормальных» людей: и семья, и работа.

А иногда он приходил к заключению, что во всем виновата... Стелла, это она разрушила его семью!

Про Арсюшу он и думать не мог. Он помнил нахмуренные брови Арсюши, когда Тоня уезжала из Sea Gate и, погрузив вещи в багажник такси, садилась с сыном в машину. Арсюша, видимо, накануне выслушав наставление мамы, как себя с папой вести, молчал. Крепко прижимал к своей груди плюшевого леопарда и не сводил с отца молящихся глаз. Стоявший рядом Осип потрепал сына по голове и глуповато ему улыбнулся, будто бы сейчас не происходило ничего особенного. Но сердце его так сильно защемило от боли, что он отвернулся и вошел в дом.

Не раз и не два после их отъезда он собирался позвонить Тоне, хотел встретиться с ней и сыном, чтобы попросить у них прощения. Собирался, но...

Тайная мысль, что Стелла вот-вот объявится и, что вопреки всему они с ней соединятся и будут счастливы, останавливала его. Стелла! Он то гневался на нее до помрачения рассудка, то его сердце охватывало чувство

нежности к ней. То вдруг ему становилось невыносимо жалко ее до того, что он готов был расплакаться.

***

Тихо в зале Оперативного центра охраны гостиницы. Изредка пищат поставленные на подзарядку батарей рации.

На электронных часах на стене все четыре черные цифры, мигнув, сменились на 02:00. Два часа ночи, стало быть.

Сверху сквозь вентиляционные отсеки льется в зал прохладный воздух. Изредка поскрипывает кресло на колесиках, когда Осип откидывается на его высокую спинку.

Второе кресло рядом пусто. Уолтер, стало быть, у Лизы.

Все экраны подключены к видеокамерам отеля.

Единственный экран выбивается из общего фона. На экране — Стелла. Стоит, прислонившись к дверному косяку. Смотрит перед собой, щурясь от солнца, левая часть ее лица освещена сильнее. Без сережек. Волосы как бы небрежно взъерошены, кончики сомкнутых губ едва приподняты в улыбке. Правда, улыбка грустная, с оттенком обреченности. Хороший снимок, схвативший суть.

Осип сумрачно глядит на экран со Стеллой. Его белая рубашка контрастирует с чернотой его небритых щек. Потом смотрит на другие экраны, там ничего интересного — жизнь отеля. Там для Осипа все мертво, как в склепе. «Мандарин» — большой склеп на манхэттенском кладбище.

Он нажимает кнопки, переключает несколько видеокамер с лестничных клеток на холл.

На часах — 02:17.

Щурит воспаленные глаза. Движущийся силуэт какой-то девушки на одном из экранов расплывается в контурах. Резь в глазах становится

невыносимой. Он достает из кармана брюк пластмассовую бутылочку с острым носиком. Выдавливает из нее последние «слезки» и, даже не вытерев влагу, ручейками стекающую по щекам, снова пялится на тот экран.

Увеличивает изображение идущей по коридору девушки, подвинув рычажок на панели. Проверяет, не включена ли по ошибке в его ноутбуке записанная им когда-то видеосъемка. Нет, это не видеоролик. Стелла! Она здесь, в отеле! Пришла по вызову какого-то клиента!

– Нет! Нет!

Все предметы перед его глазами запрыгали, мир словно перевернулся вверх-тормашками. В его голове помутилось. Он вскочил со стула и ринулся к хромированному оружейному сейфу...

02:29. Тихо в зале Операционного центра. Тихо и совершенно пусто. Ни души.

— Open the door! Откройте, полиция! — Осип колотит кулаком в дверь номера.

Но заперта дверь номера 218, где уже почти полгода обитает очень богатый господин. Станный он чрезвычайно. Зачем-то тратит такие большие деньги — две тысячи долларов в сутки! — за номер, когда на столь долгий срок гораздо экономней снять самую роскошную квартиру в городе. Но почему-то не желает этот странный господин экономить деньги, а желает жить широко. А сколько за полгода в двери этого номера помимо уважаемых политиков вошло девушек, сколько, по выражению Уолтера, этот старый пердун здесь спустил денег на секс и кокаин, — у-у-у, одному только Богу известно...

— Get out! Прочь! — Осип вломился в номер, отстранив сухонького плешивого старичка в трусах. — Где она?!

Не зная, куда ринуться, застыл на миг. Услышал непонятный звук за одной дверью. Она там! Ворвался в просторную ванную, где сверкало

огромное джакузи, а из золотистых кранов лилась вода, взбивая высокую белую пену. Осип сорвал с вешалок банные халаты, вышел из ванной, ударив дверь ногой.

В спальне стянул с широченной кровати одеяло. Затем рывком раздвинул шторы. Открыл стенной шкаф, где рядами, как в магазине Century 21, висели мужские костюмы, плащи и шубы. Швырнул на ковер несколько костюмов.

Приблизился вплотную к старику, который с безучастным видом, словно ничего не происходило, сидел в гостиной за столом в одних трусах и ел яблоко.

— Where is she?! Где она?!

Не дождавшись ответа, со всей силы толкнул старика. Тот рухнул со стула и скрючился на полу.

Осип вышел из номера. И вдруг увидел... себя, идущим по коридору в номер 218.

Он попятился, закрыл за собой дверь. Стоял, затаив дыхание, держа в руке взведенный пистолет. В дверь постучали.

— Кто там? — спросил он и рванул дверь на себя. Ударом пистолета сбил с ног какого-то типа с рацией в руке.

— Сволочь! Убийца! — Осип стал бить его кулаком по голове, пока не увидел кровь на своих руках.

— Где она?! Где она?! — орал он по-русски, вбегая обратно в номер.

Снова очутился в ванной, смел со стеклянной полки какие-то бутылочки и флакончики. Залез — прямо в обуви и одежде — в воду, тыкал в пену пистолетом:

— Тварь! Стерва!..

Кто-то сильным ударом, аж в голове хрустнуло, выбил пистолет из его рук и повалил его:

— Ты что, парень?! Совсем спятил из-за этой девки?! — Уолтер сидел на распластанном Осипе в каком-то коридоре, крепко ухватив его за волосы и вдавив его лицо в пол.

Осип хрипел и не мог понять, где находится и что с ним. Не знал, что же сейчас произошло в самом деле, а что ему привиделось.

А Стелла тем временем тихонько выскользнула из номера 218, где пряталась за одной из штор.

Эпилог

Прошло полтора года.

...До обеда гуляли в парке. Потом сели в машину и поехали домой.

— Отдам Мойше свой старый компьютер, мне он все равно больше не нужен. Загружу туда детские программы, пусть играет, — Осип нажал рычажок «поворотника», и машина въехала на шоссе. — Кстати, все Арсюшины игрушки, что в ящиках под кроватью, тоже нужно отдать Мойше. Арсюша для них уже вырос.

— Ну плюшевых леопарда и зайца я бы все-таки оставила. Арсюша еще иногда ими играет, — мягко возразила Тоня, взглянув на спящего на заднем сиденье Арсюшу.

Поджав под себя согнутые в коленках ноги, мальчик словно собирался сделать что-то важное и срочное, но вдруг заснул, свесив голову и раскрыв рот с выбежавшей слюной.

Осип притормозил, машина шла на высокой скорости, а впереди — поворот. За поворотом открывался вид на залив.

Дорога, влажная от апрельских дождей, вела к мосту Верразано. С левой стороны, на холмах, еще не тронутые листвой, темнели деревья, справа по реке в порт шли океанские лайнеры.

— Что, дождался, режиссер? — улыбнувшись, спросила Тоня.

Еще только апрель, а на ее лице у носа и на щеках высыпали мелкие веснушки, придавая важной серьезной Тоне вид девочки где-нибудь на даче или в деревне под Питером.

Осип кивнул в ответ — приняли сценарий и дали деньги на его будущий фильм!

Он снова подумал о том, что Тоня его простила. Это главное. Спасла семью. Все остальное — мелочи.

— Похоже, на неделю придется съездить в Бостон, отснять там кое-какой материал. Не знаю, как уложусь в такие короткие сроки: часовой документальный фильм — и за три месяца. Могу не справиться.

— Справишься, не бойся. А что твой Ник, согласился с тобой работать в этот раз?

— Пока еще нет. Думает. Ему вроде бы предложили выгодный контракт в одном театре.

— Ну и не надо, обойдешься без Ника, — Тоня поправила в ногах разъехавшиеся складки плаща.

Машина неслась по шоссе, изредка подскакивая на дорожных вмятинах. Вдали виднелся мыс Sea Gate. Отсюда он казался темной безжизненной полоской... Чайки на камнях, пенистые волны, крабы...

Тоня включила магнитофон, и в салоне зазвучала музыка из «Пер Гюнта». Волшебная музыка, знакомая еще с детства.

Еще раз взглянув в зеркальце на спящего сына, Тоня свободно откинулась в кресле.

Слушала скрипки, флейты и контрабасы. Мелодия то неслась вихрем, нарастала, в бешеном ритме стремилась все дальше, выше, выше, то вдруг после звонкого удара литавр падала в бездну, где ныла одна-одинешенька несчастная скрипка, где уныло и глухо бил барабан, где обрывалось все в могильной тишине. Но потом тягучая сумрачная мелодия снова

становилась таинственной и нежной, вызывающей слезы, слезы примирения и вечной надежды...

***

— Мне нужно в машине поменять масло, — сказал Осип, открывая заднюю дверцу машины.

На сиденье уже продирали глаза Арсюша.

— Мистер пират Розенблатт, подъем, выгружайся! Сегодня вечером расскажу тебе, где пираты спрятали найденные сокровища. Только не мучай маму, договорились? Ладно, Тонч, вы идите домой, а я поехал.

Приблизительно через полчаса его «Бьюик» остановился в районе Бруклин Хайтс.

Времени было еще предостаточно.

...Осип брел по знакомым улицам, где тянулись аллеи старых платанов, некоторым из них, наверное, лет пятьдесят, а то и все сто. Мимо них, еще тогда молоденьких саженцев, ходили герои его фильма. Здесь за пьянство и бродяжничество, больной туберкулезом, был арестован будущий корифей американской драматургии О'Нил; Уолт Уитмен стучался в двери этих домов, предлагая бесплатно свой сборник «Листья травы», а его не пускали на порог; вон в том кафе Артур Миллер писал пьесу «Тяжелое испытание», за которую потом был привлечен к суду по обвинению «в нелояльности Америке»; а вот из того дома «скорая» увезла умирающего от разрыва сердца Иосифа Бродского...

Хорош этот район ранней весной, но прекрасен он в мае, когда распускаются орхидеи и акации, когда прохладно в тени деревьев, старых особняков и темных, в витражах, костелов. Все дороги ведут к реке.

Есть такие места, знаете, где сразу, еще толком не понимая, что к чему, чувствуешь себя дома, будь то Васильевский остров в Петербурге или

Бруклин Хайтс в Нью-Йорке. Потому-то и решил Осип снимать здесь свой первый фильм — в месте, так напоминавшем ему родной Питер...

***

— Да, сэр, семнадцатый номер, — портье в черном ношеном костюме, с бабочкой на шее протянул Осипу ключи.

— Спасибо, — ответил Осип, надевая колечко с ключами на указательный палец. — Я тут, знаете ли, жду одного гостя, знакомую. Она должна подъехать к четырем часам.

— Ноу проблем, сэр. Я вам сообщу об ее приходе, — сказал портье. — Желаете что-либо заказать в номер?

— Нет, спасибо. Где здесь лифт?

...Осип полулежал на кровати в плаще, ноги в чуть промокших туфлях касались пола.

На трюмо лежала брошюрка со списком оказываемых в этой гостинице услуг. Шторы и окна были прикрыты, поэтому шум с улицы сюда едва проникал.

«Четверть пятого. Однако. А еще обещают сервис по высшему разряду, мол, доставка с точностью до минуты». Он достал мобильник, водил пальцем по экрану, спускаясь по списку, пока не нашел нужный номер под странным названием «Эск Серв». Решил было туда позвонить, как вдруг тишину пронзил трескучий звонок гостиничного телефона.

— Сэр, к вам гость. Мисс Мэри. Пусть войдет? О'кей, — сказал портье и уже глуше, обращаясь к визитерше: — Входите, мисс. Номер семнадцать, на втором этаже.

...Она отступила на шаг, попятилась к двери.

— Стой! Не бойся! — Осип схватил Стеллу за руку. — Мне ничего от тебя не надо. Я тебя не трону, — он силой затянул ее в номер и закрыл дверь. Провернул ключ в замке и спрятал в карман.

— Что?! Ты охотишься за мной?! — но, увидев, что бояться его сейчас нечего, она вдруг расхохоталась.

На ее губах лежал свежий толстый слой лиловой помады, на ресницах было столько туши, что они чуть ли не слипались. К распущенным волосам сбоку была приколата красная бабочка. От нее исходил запах алкоголя, который не могли перебить даже ее терпкие духи.

— А я все думала, что это за идиот, согласный платить бешеные бабки за секс в такой дешевой, вонючей гостинице? Теперь все ясно. Ну что, приступим, дорогой?

Она легко расстегнула молнию рыжей кожаной курточки, отороченной беличьим мехом:

— Ты расценки и условия сервиса знаешь?

— Да. Кстати говоря, ты опоздала на пятнадцать минут.

— Сорри, задержалась, по очень важному делу. Была на съемках, ха-ха-ха! — расхохотавшись и глядя ему в глаза злыми, ненавидящими глазами, спустила с плеча шлейку платья: — В любые места. Только с презервативом. Время пошло. Если нужно, есть виагра и кокаин, — спустила шлейку с другого плеча и привычным движением начала стягивать платье вниз по бедрам.

Осип отошел назад, сел на кровать:

— Я не знаю, не знаю... — бормотал он растерянно, словно находился где-то далеко, не в номере этого отеля.

Вдруг решительно поднялся, подошел и со всей силы стиснул ее в объятиях:

— Я... Я хочу сказать тебе... Я хочу проститься с тобой. Наверное, мы больше никогда не увидимся, я не буду тебя преследовать. Я хочу сказать...

если я в чем-то виноват... — он безуспешно пытался подобрать нужные слова.

Она пыталась вырваться, давила его кулаками в грудь, била коленями, даже укусила за плечо через плащ.

— Не надо, не надо, — повторял он.

Она наконец сдалась. Замерла. Через несколько минут сделала вдруг легкое движение, будто прижалась к нему:

— Я больна СПИДом.

Он молчал.

— Я блядь и наркоманка.

Он по-прежнему молчал.

— Из-за меня передознулся Джефф.

Осип начал гладить ее по голове, как ребенка:

— Моя бедная девочка. Моя хорошая...

Она не шевелилась. Едва дышала, чтобы не спугнуть этот миг нежданного, случайного счастья...